

К 1290317

В. Б. КОНАСОВ

МККК — СССР:
МККК — СССР:

ДОРОГОЙ
СОТРУДНИЧЕСТВА
И КОНФРОНТАЦИИ

1939 — 1952
1939 — 1952

Вологодская областная ун
научная библиотека им. И

12.03.00 - 100
5.10.9 8ч/2

24.11.11-64682
21.11.17 64682

ДАР Воло
ИКОТИТ
РАЗВН
ОБРАЗС

17.07.16
04.08.2018
28.10.2021

19.04.25

Служба преемства
Дата поступления
Назначение на
субъекта торговли
Служба преемства
(оно)

А-64 | А.И. КУЗЬМИН
В.Е. ЛЕНСКОЕ
СССР

12/1100
Кузнецкий 9448/15
Кузнецкий 9448/17

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В. Б. КОНАСОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ
КРАСНОГО КРЕСТА —
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ:
ДОРОГОЙ
СОТРУДНИЧЕСТВА
И КОНФРОНТАЦИИ
(1939—1952)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК И ДОКУМЕНТЫ

Москва
1999

Рецензенты:

ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН,
доктор исторических наук **Н. К. Петрова**

ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН,
доктор исторических наук **О. Ю. Васильева**

Конасов В. Б.

К 64 Международный комитет Красного Креста—Советский Союз
дорогой сотрудничества и конфронтации (1939—1952). Исто-
рический очерк и документы / Предисл. доктора исторических
наук, профессора **Г. А. Куманева**. — М.: Институт Российской
истории РАН, 1999. — 104 с.

Настоящее издание посвящено малоизвестным страницам истории вза-
имоотношений Международного Комитета Красного Креста и СССР в годы
Второй мировой войны и послевоенный период. В отечественной историо-
графии это первое исследование на данную тему.

© Институт Российской
истории РАН, 1999 г.

© Вологодский институт
развития образования, 1999 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Предлагаемая вниманию читателей небольшая книга вологодского ученого, доктора исторических наук, члена-корреспондента Международной Славянской академии В. Б. Конасова примечательна не только с научно-познавательной точки зрения. Всестороннее изучение деятельности Международного Комитета Красного Креста (МККК) в годы Второй мировой войны, исследование контактов этой организации с правительством СССР во второй половине 40-х — начале 50-х годов приобрело сегодня особую актуальность еще по одной причине. В 1996 г. в архивах ЦРУ были обнаружены документы, позволившие средствам массовой информации совершить резкие нападки на Международный Комитет. Ряд бывших делегатов МККК обвинили в шпионаже, укрывательстве видных нацистов и их капиталов, тайных поставках оружия вермахту и прочих прегрешениях. Обстановка накалилась до предела, когда американский сенатор Альфонс Д'Амато потребовал от президента МККК Корнелио Соммаруги дать соответствующие разъяснения по этим злободневным вопросам.

В Женеве не исключают, что некоторые обвинения могут подтвердиться, однако это ни в коей мере не дает основания перечеркнуть заметный вклад Красного Креста в дело облегчения участи жертв войн и военных конфликтов. Достаточно сказать, что в период Второй мировой войны за рубежом работали более 180 уполномоченных МККК и 3000 их добровольных помощников. Только в Германии среди пленных и интернированных было распределено 470 тысяч тонн гуманитарных грузов. Представители Красного Креста провели 11170 инспекционных проверок лагерей, подготовили ответы на письма и запросы, общее число которых составило 59 млн. единиц.

Сегодняшних руководителей МККК особенно огорчают попытки взвалить на Международный Комитет ответственность за гибель со-

ветских военнопленных в лагерях нацистской Германии. С сенсационными «разоблачениями» на этот счет выступают и некоторые средства массовой информации в России. История в какой-то мере повторяется. В начале 50-х годов советское правительство уже обвиняло МККК в прогерманской позиции, в нежелании Международного Комитета оказать действенную помощь пленным красноармейцам и командирам на территории нацистского рейха.

В контексте сказанного история контактов СССР и МККК в годы Второй мировой войны и первое послевоенное десятилетие приобрела весьма значимый общественный резонанс и ярко выраженный политический характер. Автор настоящей книги первый среди российских ученых счел своим профессиональным и нравственным долгом провести исследование, которое позволяет снять с Международного Комитета часть необоснованных претензий и надуманных обвинений. Подготовленный им очерк базируется на материалах некогда закрытых архивных фондов. Достаточно объективную картину минувших событий помогают воссоздать отобранные документы.

Г. А. КУМАНЕВ,
профессор, доктор исторических наук,
академик Российских академий
естественных наук и военных наук.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Отношения между МККК и СССР до начала фашистской агрессии.

Контакты России с Международным Комитетом Красного Креста, у истоков которого стояли швейцарские граждане Анри Дюнан и Густав Муанье, за период с 1863 по 1917 гг. не были омрачены сколь-либо серьезными недоразумениями. Более того, царское правительство неоднократно поддерживало гуманные инициативы МККК и само выступало за смягчение ужасов войны на различных международных конференциях. К моменту прихода к власти большевиков Россия была связана Женевской конвенцией 1906 г. о раненых и больных воинах и Гаагской конвенцией о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года.

Отношение Советского правительства во главе с В. И. Лениным к Международному Комитету Красного Креста было достаточно лояльным. Это новое правительство, оказавшееся в условиях дипломатической изоляции, рассчитывало с помощью МККК решить такую крайне важную проблему, как возвращение на родину более трех миллионов военнопленных Первой мировой войны. Этих людей новая власть надеялась в самом ближайшем будущем привлечь на свою сторону в борьбе с контрреволюционными элементами и военной интервенцией. В начале 20-х годов МККК явился одним из инициаторов оказания помощи голодающему населению Советской России.

В 1921 г. Международный Комитет официально признал советский Красный Крест. Его представительство в России просуществовало вплоть до 1938 года и было закрыто, судя по отчету, по финансовым соображениям¹. По другой версии, дальнейшее промедление с ликвидацией представительства МККК грозило нежелательными последствиями. Его глава в России Вальдемар Верлен в 1938 году писал: «Для всякого наблюдателя, хоть немного знакомого с положением в СССР, существование делегации в последнее время показалось бы

¹Россия—Швейцария. 1813—1955 гг. Документы и материалы. — М.: Международные отношения, 1995. — С. 337.

на первый взгляд парадоксальным, настолько оно противоречило самим принципам внутренней политики... Перед лицом растущей волны если не ксенофобии, то, во всяком случае, крайней подозрительности по отношению ко всему иностранному, не могло не удивлять, что нам предоставили возможность продолжать работу, поскольку с 1936 г. все яснее становились намерения властей полностью ликвидировать все иностранное внутри страны»¹.

За все время сотрудничества Международному Комитету не удалось убедить советскую сторону в необходимости официально присоединиться к Женевской конвенции о военнопленных 1929 года (к аналогичной конвенции о раненых и больных воинах СССР в 1931 г. все же присоединился) и к Гаагской конвенции 1907 года. Отказ СССР признать эти документы дал о себе знать уже в первые месяцы Второй мировой войны. Приняв предложение МККК об организации в Москве Центрального справочного бюро по розыску военнопленных и интернированных польских граждан, советская сторона этим и ограничилась. Все запросы о судьбе поляков, оказавшихся в руках Красной Армии в результате «освободительного похода», оставались без ответа. Предложение об оказании помощи в розыске пропавших офицеров из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей, к тому времени расстрелянных НКВД, было проигнорировано².

Инициатива Международного Комитета по направлению в Москву своего делегата была отвергнута сразу и в категоричной форме. 12 октября 1939 г. посол СССР во Франции Я. З. Суриц заявил: «Союз Советских Социалистических Республик не подписал Конвенцию 1929 г. о военнопленных, а значит, ее условия для него не обязательны. Поэтому нет оснований считать, что нужно направить в Советский Союз специального представителя Международного Комитета Красного Креста для урегулирования вопросов, вытекающих из вышеупомянутой конвенции»³.

Настороженное отношение Москвы к инициативам МККК, направленным на облегчение участи военнопленных, подтверждают и другие факты. На телеграмму Макса Губера от 20 марта 1940 г. с просьбой сообщить условия пересылки посылок в адрес поляков, находившихся за колючей проволокой, председатель исполкома Красного Креста П. Г. Глебов откликнулся только шесть месяцев спустя. Попытка Международного Ко-

¹Цит. по: Томан И. Россия и Красный Крест (1917—1945). Красный Крест в революционном государстве. Деятельность МККК в России после Октябрьской революции 1917 года. — М.: МККК, 1998. — С. 74.

²Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК). — Ф. 1/п. — Оп. 4е. — Д. 14. — Л. 60.

³Цит. по: Бюньон Ф. Международный Комитет Красного Креста и Советский Союз (1917—1991). — М.: МККК, 1998. — С. 38.

митета решить проблему освобождения поляков с помощью Германии (последняя была заинтересована в возвращении на родину польских граждан немецкого происхождения) имела незначительный успех. Хотя, как справедливо заметил в одном из своих докладов германский посол граф Вернер Шуленбург, руководствуясь статьей 20-й Гаагской конвенции, Москва была обязана после дефинитивного окончания войны в Польше освободить военнопленных для возвращения домой, невзирая на их национальную принадлежность¹.

На пятый день советско-финляндской войны, 4 декабря 1939 г., Макс Губер сообщил правительству СССР о том, что МККК готов оказывать посредничество в передаче справок о военнопленных и раненых². Более того, МККК удалось добиться согласия Финляндии на открытие справочного бюро по делам военнопленных, а одному из делегатов разрешили посетить лагерь для советских военнопленных³. 7 декабря 1939 г. советскому послу во Франции Я. З. Сурицу было сделано предложение о направлении делегатов МККК на территории того и другого воюющих государств. Однако данное предложение, по словам советского дипломата, не отвечало интересам правительства СССР. Всеми насущными вопросами мог бы заняться представитель МККК в Таллине⁴.

Состоявшаяся в начале марта 1940 г. беседа представителя МККК Карла Буркхардта с советским послом в Германии А. А. Шкварцевым, в ходе которой еще раз рассматривалась возможность визита делегата Международного Комитета в Москву, закончилась безрезультатно⁵. О целесообразности вновь открыть в советской столице представительство МККК вела речь с послом СССР в Швеции А. М. Коллонтай делегат Международного Комитета адвокат Квинше. Это же предложение содержалось в официальном письме МККК от 20 апреля 1941 года⁶. Ответной реакции со стороны Москвы не последовало.

31 января 1940 года в Международный Комитет поступил протест Красного Креста Финляндии по поводу воздушной бомбардировки госпиталей, больниц, жилых кварталов. МККК, руководствуясь принципами нейтральности и беспристрастности, без каких-либо комментариев, переадресовал этот протест в Москву. Послание оказалось в руках Л. П. Берии, который

¹ См.: Катинская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих. — М.: Политиздат, 1991. — С. 79.

² ЦХИДК. — Ф. 1/п. — Оп. 4е. — Д. 14. — Л. 13.

³ Rapport du Comité international de la Croix-Rouge sur son activité pendant la Seconde Guerre mondiale. — Genève, 1948. — Vol. 1. — P. 422.

⁴ Ibid.

⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). — Ф. 054. — Оп. 21. — П. 524. — Д. 66. — Л. 73.

⁶ Rapport du Comité international de la Croix-Rouge sur son activité pendant la Seconde Guerre mondiale. — Genève, 1948. — Vol. 1. — P. 424.

переправил копию документа председателю СНК СССР В. М. Молотову, тот в свою очередь — в Наркомат иностранных дел, чем все и завершилось¹.

По пути наметившегося сотрудничества. Уже 23 июня 1941 г., на следующий день после нападения Германии на Советский Союз, Макс Губер известил наркома иностранных дел Молотова о готовности Международного Комитета осуществлять посредничество в обмене списками военнопленных. В телеграмме за № 6183 говорилось, что информация о каждом солдате или офицере будет доводиться, во-первых, до сражающихся сторон, во-вторых, до сведения семей, которые обратятся в МККК за справкой о судьбе близкого им человека. Тот факт, что Советский Союз не является участником Женевской конвенции о военнопленных, не будет служить препятствием в деле обмена информацией, тем более, если на телеграммы аналогичного содержания дадут положительный ответ другие воюющие стороны².

Памятуя о неудачном опыте сотрудничества в недалеком прошлом, в Женеве почти не рассчитывали на благоприятную реакцию Москвы. Однако 27 июня Молотов телеграфировал о согласии СССР обмениваться списками на условиях взаимности. 2 июля Губер смог сообщить, что к такому же решению пришла Финляндия. Одновременно, стремясь развить достигнутый успех, он просил наркома иностранных дел разрешить уполномоченному МККК встретиться с советским послом в Турции, где предполагается организовать агентство по сбору сведений о военнопленных. 6 июля Молотов телеграфировал о принципиальном согласии с предложениями Международного Комитета³.

Положительная реакция советского руководства на первые инициативы МККК имела под собой достаточно простое объяснение. Оказавшись в момент фашистской агрессии на грани почти полной дипломатической изоляции, СССР остро нуждался в союзниках, будь то эмигрантские правительства, политические партии или общественные движения. И было бы непростительной ошибкой проигнорировать авторитетную организацию, располагавшую к тому же опытными юристами-экспертами и отработанным механизмом контроля за соблюдением законов и обычаев войны.

Серьезность намерений продолжить диалог с Женевой Москва продемонстрировала тем, что уже через несколько дней при исполнении Крас-

¹АВП РФ. — Ф. 054. — Оп. 20. — П. 519. — Д. 92. — Л. 77.

²Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz. Bd. 7. — München, 1966. — S. 162.

³АВП РФ. — Ф. 054. — Оп. 22. — П. 530. — Д. 73. — Л. 36.

ного Креста было организовано Центральное справочное бюро о военнопленных. В принятом на этот счет Положении подчеркивалось, что все сведения о солдатах и офицерах вражеских армий "даются ЦСБ только через Международный Комитет Красного Креста"¹.

Переговоры в Анкаре. В июле 1941 г. правительство СССР было готово любыми средствами сдерживать наступательную мощь германской военной машины. В данном отношении Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. внушала советской стороне некоторую надежду, поскольку ограничивала возможности противника в атакующих действиях с воздуха и использовании дальнобойных орудий. На запрос государства-протектора Швеции из Москвы последовал ответ, что в войне с фашистской Германией СССР готов придерживаться этой конвенции, разумеется, на условиях взаимности².

К сожалению, права военнопленных Гагское соглашение регламентировало не столь подробно и четко, как Женевская конвенция 1929 года. Не случайно свою первую встречу в Анкаре с советским послом С. А. Виноградовым, проходившую 23 июля 1941 года, уполномоченный МККК доктор Марсель Жюно начал с обсуждения именно этой проблемы. Выразив удовлетворение принципиальным согласием советской стороны соблюдать положения Гагской конвенции, уполномоченный МККК заявил, что, с его точки зрения, Советскому Союзу есть смысл присоединиться и к Женевскому соглашению. Затем он поинтересовался, создано ли при Красном Кресте СССР справочное бюро по наведению справок о военнопленных и, если создано, каков его адрес. В ходе беседы Жюно предпринял попытку опередить события: зная о том, что его коллеги Карл Буркхардт и Эдуард де Аллер намереваются посетить один из лагерей русских военнопленных в Германии, уполномоченный МККК заявил: "...Важно получить список хотя бы на несколько сотен человек, чтобы начать это дело. Немцы уже начали представлять подобные сведения в Международный Комитет в Женеву"³.

Телеграмма Вышинского и реакция МККК. 22 июля 1941 г. Губер телеграфировал Молотову о согласии Италии и Словакии обмениваться списками плененных и раненных. Причем, как подчеркивал председатель МККК, первое из названных государств обязуется присоединиться к Же-

¹ЦХИДК. — Ф. 1/п. — Оп. 4е. — Д. 14. — Л. 113—115.

²АВП РФ. — Ф. 140. — Оп. 25. — П. 33. — Д. 1. — Л. 2.

³Там же. — Ф. 0132. — Оп. 24а. — П. 236. — Д. 7. — Л. 356-359.

невской конвенции о военнопленных на условиях взаимности. Телеграмма заканчивалась словами: "...Были бы рады услышать позицию Советского правительства по этому поводу"¹.

Текст ответной телеграммы, отправленной в Женеву 8 августа, подготовил заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский. Советский дипломат успешно справился с поставленной задачей: отказ принять предложение Италии звучал убедительно и одновременно оставлял возможность для маневра на дипломатическом уровне. Прежде всего Вышинский отметил, что СССР признает как Гаагскую, так и Женевскую конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Последняя содержит статью 4-ю, которая обязывает воюющие стороны обмениваться информацией о раненых и больных воинах. В отношении всех остальных пленных эту проблему можно решить с помощью статьи 14-й Гаагского соглашения. Следовательно, при процедуре обмена сведениями вполне можно обойтись и без Женевской конвенции о военнопленных².

В Женеве, однако, ответ Вышинского вызвал разочарование. Статья 14-я Гаагского соглашения, на которую тот ссылался, не носила обязывающего характера и оставляла окончательное решение вопроса об обмене сведениями за правительством, в чьем распоряжении оказались военнопленные³.

Очередной раунд переговоров в Анкаре. В конце августа 1941 г. атмосфера переговоров в Анкаре резко ухудшилась. Немецкого посла в Турции Франца фон Папена интересовало, правда ли, что Сталин объявил о намерении подвергнуть репрессиям семьи пленных красноармейцев. Ведь в этом случае ни о каком обмене списками не может быть и речи. Официальный запрос по этому поводу Папен поручил сделать уполномоченному МККК. Как и следовало ожидать, реакция Виноградова на запрос Жюно была негативной. Последний, вопреки фактам (печально известный приказ № 270 от 16 августа 1941 г. предусматривал карательные санкции в отношении семей плененных)⁴, заявил, что ни Сталин, ни правительство СССР никогда не допустят ущемления прав родных и близких красноармейцев, оказавшихся в руках противника.

¹Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz. Bd. 7. — S. 156.

²Ibid. — S. 165—166.

³Текст статьи 14-й Гаагской конвенции "О законах и обычаях сухопутной войны" см.: Международное право в избранных документах. Т. 3. — М., 1957. — С. 44.

⁴Приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 г. в настоящее время опубликован. См.: Военно-исторический журнал. — 1988. — № 9. — С. 26-28.

20 августа представитель Международного Комитета сообщил Папену о том, какой ответ он получил в советском посольстве. После длительной дискуссии в руках Жоно оказался список советских военнопленных, насчитывающий 297 имен и фамилий. Вручая его своему собеседнику, германский посол подчеркнул, что связывает с этой процедурой последнюю надежду получить от русских сведения о пропавших немецких летчиках¹.

22 августа Макс Губер уведомил СССР о том, что список советских военнопленных в ближайшее время прибудет в Москву. В этой связи начальнику УПВИ НКВД майору госбезопасности П. К. Сопруненко было поручено представить в исполком СОКК и КП список на 300 пленных немцев. 25 августа в адрес МККК ушла телеграмма многообещающего содержания: "Исполнительный Комитет Союза Красного Креста и Красного Полумесяца СССР подтверждает получение Вашей радиограммы относительно посылки первого списка русских военнопленных. В свою очередь, наши списки будут составлены латинским шрифтом. Находящимся в СССР военнопленным разрешено посылать почтой своим семьям открытки для военнопленных. На остальные Ваши запросы ответ поступит дополнительно. Морозов. Заместитель Председателя Исполнительного Комитета"².

6 сентября еще одна телеграмма, но уже из Анкары, ушла в адрес заведующего Средне-Восточным отделом НКВД С. И. Кавтарадзе. Советского посла беспокоил тот факт, что справочное бюро Красного Креста задерживает отправку ответных списков³. Ответа из Москвы не последовало. Между тем, 19 сентября советское посольство посетил представитель МККК Эдуард де Аллер. Последний проинформировал Виноградова о том, что он вместе со своим коллегой по МККК К. Буркхардтом посетил лагерь советских военнопленных в Хаммерштейне. При этом уполномоченный Красного Креста нарисовал идиллическую картину жизни красноармейцев в немецком плену: благоустроенный быт, хорошее питание, малообременительные работы, "отеческое" отношение к своим подопечным коменданта лагеря и т. п.

Сообщая эту информацию советскому послу, де Аллер, судя по всему, рассчитывал на благоприятную реакцию. Однако Виноградов, ознакомившись с продемонстрированными ему фотоснимками, усомнился в том, что

¹Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945. — 3 Aufl. — Bonn, 1991. — S. 229.

²АВП РФ. — Ф. 054. — Оп. 21. — П. 524. — Д. 66. — Л. 74.

³Там же. — Ф. 132. — Оп. 26. — П. 87. — Д. 31. — Л. 2.

видит перед собой военнослужащих Красной Армии. По его мнению, люди в поношенном гражданском платье больше походили на жителей оккупированных районов¹.

Через пять дней, 24 сентября 1941 г., де Аллер снова посетил посольство СССР и представил Виноградову дополнительные доказательства того, что на снимках изображены пленные бойцы и командиры РККА. Затем уполномоченный МККК стал настаивать на выдаче виз для поездки в Советский Союз М. Жюно и его переводчику. При этом де Аллер подчеркнул, что нельзя усматривать в намеченном визите праздное желание посетить лагеря для немецких военнопленных. Делегаты МККК своими консультациями могли бы оказать советской стороне реальную помощь в работе по правильному составлению списков, заполнению карточек-извещений и т. д. Виноградову ничего не оставалось, как поддержать такое заявление представителя Красного Креста и пообещать содействие в получении визы на то и другое лицо. Однако он тут же счел нужным поинтересоваться мнением МККК по поводу взаимных обязательств СССР и Германии по Гаагской конвенции.

Согласившись, что Германия отнюдь не всегда придерживается законов и обычаев войны, де Аллер вместе с тем поставил встречный вопрос: как согласуется с Гаагской конвенцией партизанское движение на оккупированной территории Советского Союза? Теперь в затруднительном положении оказался Виноградов, которому потребовалась консультация Москвы. Заместитель наркома иностранных дел В. Г. Деканозов разъяснил, как глубоко ошибается представитель МККК, делая подобные заявления. Однако вступить с де Аллером в какие-либо «дискуссии или практические переговоры» по данному вопросу советскому послу было запрещено².

28 сентября советский посол направил в Наркомат иностранных дел очередное письмо, в котором вновь просил проконтролировать работу справочного бюро Красного Креста. Похоже, он плохо представлял ситуацию, ибо исполком Красного Креста, равно как и созданное при нем справочное бюро, хранили молчание только потому, что без санкции Молотова или Вышинского не могли предпринять никаких шагов на международном уровне.

3 октября 1941 года председатель СОКК и КП С. А. Колесников подготовил на имя Марселя Жюно телеграмму, которая должна была подтвердить отсылку в распоряжение МККК списка на 300 немецких военнопленных, находящихся в лагере № 99 в районе Караганды. Одновременно он требовал

¹ АВП РФ. — Ф. 0132. — Оп. 24а. — П. 236. — Д. 8. — Л. 400—402.

² Там же. — П. 239. — Д. 47. — Л. 1—2.

от Международного Комитета дополнительных сведений о советских военнопленных, так как в германском списке отсутствовали данные об их воинском звании, мартикульном номере, состоянии здоровья и т.д. Однако текст этой телеграммы, отправленной на согласование в Наркоматы иностранных и внутренних дел, не был санкционирован этими инстанциями¹.

За несколько дней до этого С. А. Колесников пытался проявить самостоятельность в вопросе переписки пленных со своими семьями, но потерпел неудачу. На его письмо от 17 сентября 1941 г. заместитель наркома связи Г. А. Омельченко ответил, что он "не считает возможным" говорить о каком-либо обмене письмами "до получения по этому вопросу специальных указаний Правительства"².

В октябре 1941 г. МККК, обеспокоенный ухудшением климата переговоров в Анкаре, обратился за помощью в установлении контактов с Москвой к Красному Кресту Швеции. Его представитель Квинше вновь обратилась к послу СССР А. М. Коллонтай. Суть ее письма сводилась к следующему: положение военнопленных можно существенно облегчить, если делегат традиционно нейтральной Швейцарии выедет в Москву, а делегат советского Красного Креста, в свою очередь, сможет посетить Женеву³. Увы, это предложение не встретило понимания в Наркомате иностранных дел.

Провал новых инициатив МККК. Еще в августе 1941 года в Женеву стала поступать информация о высокой смертности среди советских военнопленных. В этой связи МККК внес Берлину следующее предложение: продукты питания и одежду для русских можно было бы закупить при согласии СССР и за его счет в нейтральных странах. Разумеется, на переговорах с Советским Союзом будет поднят вопрос об оказании аналогичной помощи немецким военнопленным со стороны Германии. Немецкая сторона не возражала против инициативы МККК, но поставила два условия: во-первых, помощь не должна иметь адресного характера (Москва также не предоставляет списки), а во-вторых, посылки будут распределяться лагерным руководством (Москва все равно не допускает делегатов МККК на свою территорию).

21 октября МККК телеграфировал советскому Красному Кресту о своем намерении оказать помощь русским и немецким военнопленным. Первоначально инициатива Женевы, казалось, нашла понимание у советского руководства. Заместитель председателя СОКК и КП Диваков обратился за под-

¹ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. 5. — Д. 62. — Л. 109-110.

²АВП РФ. — Ф. 054. — Оп. 20. — П. 519. — Д. 92. — Л. 52.

³Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz. Bd. 7. — München, 1966. — S. 170—171.

держкой к заместителю председателя СНК СССР Р. С. Землячке, которая в свою очередь попросила Молотова внимательно отнестись к поступившему предложению. Нарком иностранных дел поручил изучить вопрос своему заместителю Вышинскому. Прорвав этот круг традиционного российского бюрократизма, телеграмма МККК и все сопроводительные документы попали в руки заведующего правовым отделом НКВД А. П. Павлова. Заключение последнего во многом предопределило неудачу задуманной Международным Комитетом акции. Заведующий правовым отделом, ссылаясь на Гаагскую конвенцию, поставил решение вопроса о посылках в зависимость от гарантий их доставки конкретным адресатам¹.

В сентябре 1941 г. в тылу группы армий “Центр” рассматривался вопрос об освобождении из плена инвалидов-красноармейцев, питание и уход за которыми немецкое командование считало для себя непозволительным бременем. Возможно, что эта инициатива имела косвенное отношение к событиям в Анкаре. В это самое время уполномоченный МККК вел переговоры с той и другой стороной об обмене тяжелоранеными и большими военнопленными. Однако уже в октябре Марсель Жюно поделился с премьер-министром Турции Рефик Сайдамом информацией о том, что переговоры по обмену успеха не имели. А 14 ноября 1941 г. штаб Главного командования вооруженных сил Германии дал следующий ответ на запросы заинтересованных инстанций: “В настоящее время прибытие тяжелораненых немецких военнопленных на родину невозможно. Советские военнопленные, отнесенные к категории инвалидов, остаются поэтому в германском плену”².

Протесты советской стороны по поводу нарушения противником международного права и позиция МККК. 6 и 7 июля 1941 г. Советский Союз известил МККК о нарушении Германией Женевской конвенции о раненых и больных воинах. В первом случае в телеграмме шла речь о бомбежке пилотами люфтвафе советских госпиталей, во втором — о жестокостях немцев в отношении пленных раненых красноармейцев.

11 июля 1941 г. на эти телеграммы из Женевы был получен ответ, который лишь частично удовлетворил советскую сторону. Правительство СССР надеялось на то, что МККК публично осудит противоправные действия противни-

¹ АВП РФ. — Ф. — 054. — Оп. 20. — П. 519. — Д. 92. — Л. 51, 55.

² Bundesarchiv-Militararchiv (BA-MA). RW 6/v. 227. О дальнейшей судьбе советских военнопленных, отнесенных к категории инвалидов (слепые, лица с ампутированными конечностями и т. д.), можно только догадываться. Командование 9-й армии, к примеру, 30 декабря 1941 г. распорядилось снять инвалидов со всех видов довольствия и в принудительном порядке передать гражданскому населению.

ка. Последний, однако, ограничился тем, что переадресовал первый и второй протесты германскому Красному Кресту. В конце сентября 1941 г. исполком Красного Креста подготовил проект телеграммы в адрес МККК в связи с очередными грубыми нарушениями Германией законов и обычаев войны. Говорилось прежде всего о преступных действиях немецких летчиков. К разряду вопиющих случаев правового беспредела была отнесена бомбардировка госпитального судна «Сибирь», перевозившего из Таллина в Ленинград раненых красноармейцев и эвакуированных жителей — женщин, стариков, детей. Приводились также факты бесчеловечных пыток и расстрелов пленных красноармейцев, использования их в качестве живого щита при атакующих действиях немецких войск¹. Подготовленная СОКК и КП телеграмма, однако, не попала в Женеву. Скорее всего ее отправку не санкционировал Наркомат иностранных дел, готовивший в те дни для В. М. Молотова ноту протеста против зверского обращения германских властей с пленными красноармейцами.

9 февраля 1942 г. исполком Красного Креста направил в Женеву заявление 63 немецких военнопленных, содержащихся в лагере № 98. В этом документе отвоевавшиеся солдаты вермахта прежде всего выражали свою солидарность с опубликованной 25 ноября 1941 г. нотой наркома иностранных дел Молотова «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных». Затем они приводили известные им факты бесчеловечного отношения немецких войск к пленным красноармейцам. В частности, лейтенант 112-го саперного батальона 112-й пехотной дивизии Якоб Корцилиас показал: «В одной деревне у Болвы по приказу адъютанта штаба 112-го саперного батальона лейтенанта Кирига были выброшены из избы 15 находившихся там раненых красноармейцев. Их раздели догола и закололи штыками. Это было сделано с ведома командира дивизии генерал-лейтенанта Мита»².

Завершало заявление 63-х обитателей лагерных барачков явно приукрашенная информация об условиях содержания пленных немцев. В сопроводительном письме СОКК и КП настаивал на том, чтобы заявление 63-х немецких военнопленных и прилагаемая к нему нота Молотова были переданы национальным обществам Красного Креста всех стран. Однако МККК не мог удовлетворить это требование, несмотря на справедливость большинства обвинений и масштабность противоправных акций. Руководствуясь своими принципами, Международный

¹ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. 5. — Д. 62. — Л. 105.

²Цит. по: Правда. — 1942. — 5 февраля.

Комитет имел возможность доводить до сведения мирового сообщества лишь выводы своих экспертов. Подчеркивая это обстоятельство в своем ответном письме, МККК одновременно сообщил, что Германия представила документальные свидетельства о произволе по отношению к немецким военнопленным со стороны советских войск. Тем не менее, Международный Комитет принял решение довести до сведения германского Красного Креста послание Москвы.

Еще одно заявление 115 немецких военнопленных из лагеря № 74 исполком СОКК и КП направил в Женеву в мае 1942 года. Это заявление появилось на свет после того, как среди обитателей лагерных барачков было организовано обсуждение ноты наркома иностранных дел от 27 апреля 1942 года. Упомянутый документ обличал преступления немецких войск на оккупированной советской территории¹.

Проблема обмена списками. В конце ноября 1941 г. М. Жюно выехал из Анкары в Берлин на переговоры с генералом Рейнеке. 19 декабря М. Губер получил известие о том, что верховное командование вермахта готово передать МККК список на 500 тысяч советских военнопленных. Однако вскоре против положительного решения этого вопроса выступил Гитлер, пустивший в ход два довода. Во-первых, договоренность обмениваться списками может породить иллюзию у немецких солдат по поводу того, что русские прекратят произвол по отношению к пленным. Кроме того, сравнивая полученные сведения со своими данными, в Москве убедятся, что не все попавшие в плен красноармейцы живы. Упорное молчание СССР в ответ на запросы о судьбе военнослужащих вермахта в последующие полтора месяца укрепило позиции фюрера. 9 февраля 1942 г. нацистское руководство вынесло окончательное решение: Германия больше не будет отсылать в Женеву никаких списков и одновременно прекращает доступ делегатов Красного Креста в те лагеря, где содержатся русские².

Справедливости ради следует сказать, что Молотов опередил Гитлера — еще 13 января 1942 г. на докладной записке Вышинского, посвященной вопросу обмена сведениями, нарком написал: «Не нужно посылать списков (немцы нарушают всякие правовые и другие нормы)»³. Как показывает анализ архивных документов, приоритет в решении вопросов, связанных с выяснением судеб советских и иностранных военнопленных, принадлежал

¹Правда. — 1942. — 4 июня.

²Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz. Bd. 7. — München, 1966. — S. 170.

³АВП РФ. — Ф. 054. — Он. 22. — П. 529. — Д. 61. — Л. 13.

НКВД и НКВД. Справочное бюро при исполкоме Красного Креста лишь формально обладало предоставленными ему правами. Что касается военного ведомства, то его прерогативы в решении данной проблемы были, как это ни странно, также ограничены. В начале апреля 1942 г. заместителю наркома обороны генералу Е. А. Щаденко срочно потребовались данные о безвозвратных потерях на советско-германском фронте¹, и сотрудникам Центрального бюро по учету потерь среди личного состава действующей Красной Армии пришлось обращаться за справкой в Наркомат иностранных дел. Заведующий правовым отделом А. П. Павлов выслал по этому запросу германский список пленных красноармейцев на 297 чел., румынский – на 640 чел., итальянский – на 117 чел., общий список умерших советских военнопленных на 17 чел., а также – схемы могил и выдержки из международных конвенций. Однако он тут же предупредил начальника 1-го отдела упомянутого бюро полковника Шавельского: “Обращаю Ваше внимание на тот факт, что на неоднократные предложения со стороны Международного Комитета Красного Креста об обмене сведениями о военнопленных с немцами и их союзниками мы не отвечали. Это обстоятельство Вам необходимо учесть при использовании указанных выше сведений и ни в какую переписку с М.К.К.К. по этому вопросу не вступать”².

Наркомат иностранных дел в вопросе предоставления информации о военнопленных разделял мнение аппарата НКВД. Еще 4 декабря 1941 г. заведующий 3-м Европейским отделом В. С. Семенов предлагал заместителю наркома С. А. Лозовскому на запросы о судьбе солдат и офицеров вражеских армий не отвечать, ибо эти сведения “могут представлять интерес для разведки противника”. Что касается переписки по этому вопросу с ведомством Л. П. Берии, то она должна быть сведена к минимуму, поскольку “загружает НКВД излишней работой”³.

Между тем Румыния, более регулярно, чем другие воюющие стороны, направлявшая в МККК сведения о советских военнопленных, предложила СССР в марте 1943 г. произвести обмен списками. Как говорилось в теле-

¹Заместитель наркома обороны Е. А. Щаденко был занят подготовкой приказа “О персональном учете безвозвратных потерь на фронте”. Этот приказ НКО за № 0270 появился на свет 12 апреля 1942 года, но о судьбе пленных красноармейцев в нем ничего не говорилось. Подробнее по этой проблеме см.: Конасов В. Б., Терещук А. В. Новый подход к учету безвозвратных потерь в годы Великой Отечественной войны// Вопросы истории. — 1990. — № 6. — С. 185—188.

²АВП РФ. — Ф. 054. — Оп. 21. — П. 523а. — Д. 4. — Л. 22.

³Там же. — Ф. 082. — Оп. 24. — П. 106 — Д. 15. — Л. 6-7.

грамме уполномоченного Красного Креста из Анкары, вопрос затрагивает интересы 40 тысяч пленных красноармейцев. С поступившей информацией Вышинский счел необходимым ознакомить заместителя наркома внутренних дел С. Н. Круглова, который в свою очередь потребовал от начальника УПВИ НКВД Петрова соответствующую справку. Генерал-майор сообщил о том, что при всем желании произвести обмен списками невозможно. Во-первых, такого большого количества румынских солдат в лагерях НКВД попросту нет. Во-вторых, имеющийся в наличии контингент страдает сыпным тифом и в ближайшее время ожидается его «известная убыль»¹.

6 апреля 1943 г. позицию УПВИ по этой проблеме Круглов доложил в Наркомате иностранных дел. Возможно, история не имела бы продолжения, но 19 апреля на имя Молотова поступила телеграмма из Женевы, в которой М. Губер напоминал советскому наркому об обещании почти двухлетней давности осуществлять обмен списками. В Москве решили пойти на компромисс, уведомив Женеву, что все румынские солдаты, находящиеся в советских лагерях, получают право на переписку.

Второе обстоятельство, способствовавшее некоторому прогрессу в решении проблемы, связано с тем, что после Сталинграда в руках Красной Армии оказалось немало офицеров и генералов 6-й армии. Уже тогда с некоторыми из них спецслужбы СССР связывали надежды на получение важной оперативно-стратегической информации. В расчете на их сотрудничество с властями были даны ответы на запросы МККК о судьбе фельдмаршала Паулюса, генерала Даниэльса и некоторых других высокопоставленных чинов². В Женеве эта инициатива СССР была воспринята как обнадеживающий симптом, и М. Губер сделал попытку еще раз вернуться к вопросу об обмене списками. На помощь были подключены общества Красного Креста США и Великобритании. Однако, как показали дальнейшие события, положительное решение проблемы не входило в планы Гитлера.

11 марта 1943 г. министр иностранных дел Риббентроп потребовал от сотрудников германского посольства в Стокгольме провести с правительством нейтральной державы переговоры по поводу того, чтобы президент шведского Красного Креста принц Карл оставил намерение обращаться к Москве по вопросу обмена списками. При этом он предложил своим подчиненным пустить в ход следующие доводы: СССР наверняка представит

¹ЦХИДК. — Ф. 1/п. — Оп. 9а. — Д. 14. — Л. 19—20.

²Там же. — Л. 2—3, 14, 15.

фальшивые списки, что приведет к ненужным страданиям родных и близких; если же Германия ответит взаимностью, то НКВД, получив соответствующую информацию, тут же подвергнет репрессиям семьи советских военнопленных¹.

Право на переписку. Пропагандистский подход к решению данного вопроса. В сентябре 1942 г. руководство УПВИ НКВД подняло вопрос о переписке военнопленных. Инициатива этого ведомства однако имела односторонний характер — на переписку с близкими могли рассчитывать только иностранные военнопленные. О предоставлении такого же права пленным красноармейцам Наркомат внутренних дел никаких предложений в правительство не вносил. В сентябре-ноябре 1942 г. несколько тысяч военнопленных получили возможность написать на родину. Но при этом почтовые открытки были подвергнуты тщательной цензуре и отбору. УПВИ НКВД ставило перед собой задачу организовать работу так, чтобы «в письмах личного характера в достаточно завуалированной форме» пропагандировать хорошие условия жизни в СССР. За четыре месяца (сентябрь — декабрь) в сектор иностранного радиовещания отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ было передано 312 писем, отправлено на почтовые станции МККК в Стокгольм и Анкару 3096 писем. С января 1943 г. переписку разрешили во всех лагерях, но осуществлялась она, как сказано в докладной записке наркома внутренних дел С. Н. Круглова на имя Л. П. Берии, «в минимальных размерах, обусловливаемых интересами оперативной службы или агитационными целями»².

К концу 1943 г. МККК переправил в Германию 6000 почтовых открыток. Возможно, ни одна из них так бы и не попала в руки адресатов, но помогло удачное стечение обстоятельств — передача службы цензуры от вермахта к полиции на какое-то время повлекла сбой в работе хорошо отлаженного механизма. Поскольку половину писем не удалось задержать, руководство вермахта оказалось в затруднительном положении. Правда о том, что немецкие солдаты, попавшие в плен на Восточном фронте, вовсе не расстреляны и не сгинули в Сибири, быстро распространилась по стране. Кроме того, генерал-лейтенанту Рейнеке предстояло отчитаться о вручении почтовых открыток перед МККК. В этой связи вопрос о том, как быть с неврученной и вновь поступающей корреспонденцией, был поставлен перед

¹Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945. — 3 Aufl. — Bonn, 1991. — S. 402.

²ЦХИДК. — Ф. 1/п. — Оп. 9а. — Д. 10. — Л. 38-39.

Гитлером. Кейтель и Геббельс трижды заводили разговор на эту тему, но фюрер был непреклонен — почта из СССР не должна попасть в руки немецкого обывателя¹.

В Москве же незначительную по объему переписку рассматривали как пропагандистское мероприятие, а потому на благожелательную реакцию Берлина и не рассчитывали. До конца войны пленные смогли направить на родину еще 25534 письма и 8676 писем было передано Главному политическому управлению РККА. Последние сбрасывались с самолетов над Германией, Румынией и Венгрией. Что касается почтовых открыток из-за линии фронта, то их смогли получить 10914 военнопленных².

В переписке участвовали и находившиеся в советском плену румынские солдаты и офицеры, на долю которых приходится не менее 30—40% всей полученной и отправленной корреспонденции. Объясняется это тем, что после Сталинграда усилиями МККК между СССР и Румынией было достигнуто определенное взаимопонимание. Возможность написать родным и близким получили и советские военнопленные, а также жители оккупированных румынской армией районов, прежде всего — Одессы. Однако письма ни тех, ни других до адресатов не доходили. Почтовые открытки покрывших себя «позором плена» красноармейцев направлялись «на учет и хранение в исполком Красного Креста», а письма гражданских лиц переправлялись в НКВД. Самое любопытное заключается в том, что МККК пробовал направлять часть посланий (как с румынской территории, так и из-за границы вообще) не в справочное бюро в Москву, а по указанному на почтовой открытке адресу. Однако эта нехитрая уловка, говорившая о недоверии Женевы к официальным советским инстанциям, успеха не имела. 14 июня 1943 года начальник Международного управления Наркомата связи докладывал в Наркомат иностранных дел: «В соответствии с Вашим письмом от 10 мая с. г. за № 85 Московским Почтамтом задержан ряд писем МККК, адресованных в различные местности СССР»³.

Проблема гуманитарной помощи. 2 декабря 1941 г. уполномоченный МККК Карл Буркхардт встретился с послом СССР в Великобритании И. М. Майским. Представитель Женевы известил советского дипломата о том, что его коллега в Германии доктор Роланд Марти несколько

¹Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945. — 3 Aufl. — Bonn, 1991. — S. 236.

²ЦХИДК. — Ф. 1/п. — Оп. 9а. — Д. 10. — Л. 35.

³АВП РФ. — Ф. 054. — Оп. 22. — П. 530. — Д. 73. — Л. 195.

дней назад побывал в одном из немецких лагерей. Выяснилось, что пленные красноармейцы получают явно недостаточное питание. Судьба этих людей сейчас во многом зависит от правительства СССР. Германские власти не возражают против того, чтобы им была оказана гуманитарная помощь. Задача облегчается тем, что получено разрешение на вывоз продовольствия из колонии Конго. Немцы, конечно, рассчитывают на взаимность, а потому Международный Комитет вынужден в очередной раз поставить вопрос о посещении лагерей для военнопленных в Советском Союзе¹.

Майский с должным пониманием отнесся к просьбе Буркхардта, пообещав ему поддержку в Москве. Многие говорили за то, что на этот раз проблема будет решена. Заведующий правовым отделом Павлов, к мнению которого в Наркомате прислушивались, был за то, чтобы один из делегатов Красного Креста ознакомился, наконец, с положением пленных солдат и офицеров вермахта. 15 января 1942 г. Губер, ссылаясь на заверения советского посла в Лондоне, напомнил Молотову о том, что его сотрудники готовы в любое время выехать в Москву. Список из шести человек, высланный председателем МККК, давал консульскому отделу право выписать въездную визу наиболее достойному кандидату. Таковым в конечном счете был признан швед Гёст Седегрэн, проживавший в России в период Первой мировой войны. Не возражали против этой кандидатуры и органы НКВД².

16 февраля 1942 г. Губер телеграммой подтвердил информацию Буркхардта о том, что британское правительство принимает меры по закупке продовольствия для советских военнопленных. 28 февраля председатель МККК сообщил о намерении Красного Креста Канады предоставить в их распоряжение пятьсот тысяч облаток витаминов. При этом он заверил Молотова, что не сомневается в успехе, если его коллеги смогут посетить Советский Союз. Однако нарком иностранных дел знал, что Сталин вынашивал в те дни планы скорого разгрома немцев и, следовательно, не был заинтересован в дополнительных обязательствах на дипломатическом уровне. Соответствующим образом вел себя и Вышинский. В докладной записке он посетовал на то, что Губер вновь пытается получить согласие на приезд в СССР своего делегата, и порекомендовал не отвечать на послание из Женевы. Молотов наложил на этом документе краткую резолюцию: "Согласен"³.

¹ Там же. — Оп. 21. — П. 524. — Д. 66. — Л. 74об.

² АВП РФ. — Ф. 054. — Оп. 21. — П. 524. — Д. 66. — Л. 149-150.

³ Там же. — Л. 122, 134.

Убедившись в том, что ответа на инициативы мирового сообщества от СССР ждать нечего, МККК решил довести начатое дело до конца путем контактов с Берлином. Однако верховное командование вермахта, первоначально давшее согласие на распределение посылок для советских военнопленных под контролем делегатов Международного Комитета, изменило свои планы. 2 сентября 1942 г. немцы поставили условие: груз с гуманитарной помощью должны распределять коменданты лагерей, присутствие при этой процедуре уполномоченных Женевы является излишним. Не удовлетворенный такой постановкой вопроса, Губер обратился к правительству Финляндии, которое приняло условия МККК. В результате положение красноармейцев, содержащихся в финском плену, несколько улучшилось¹.

Еще одна попытка облегчить участь военнопленных была предпринята вскоре после Сталинградского сражения. 10 марта 1943 г. уполномоченный МККК Раймон Курвуазье встретился с первым секретарем советского посольства в Анкаре С. С. Михайловым. Он сообщил, что с наступлением весны в лагерях Германии участились случаи заболеваний сыпным тифом. Особенно много больных среди русских военнопленных. Угрозе подвергается в первую очередь жизнь медицинского персонала, поскольку на приобретение сыпнотифозной вакцины “не выделяется никаких фондов”. В настоящее время на закупку этого препарата МККК ассигновал 320 швейцарских франков. Руководство Красного Креста готово приобрести новые партии вакцины для русских врачей, медсестер и санитаров, но его интересует, намерена ли Москва возместить произведенные и предстоящие расходы². И вновь советское руководство не пожелало обсуждать данный вопрос. Единственным мероприятием, которое Международный Комитет смог довести до конца, стало распределение среди советских военнопленных посылок с целебными травами³.

От политики игнорирования к критике МККК. 25 июня 1942 г. М. Губер направил на имя Молотова специальный “Меморандум”, в котором перечислялись все инициативы МККК по оказанию помощи жертвам войны и выражалась надежда на сотрудничество с Советским Союзом. Никакого ответа на это предложение не последовало, равно как и на обращение аналогичного рода, сделанное в эти дни советскому послу

¹Пизтола Э. Военнопленные в Финляндии, 1941—1944//Север. — 1990. — № 12. — С. 119, 131.

²АВП РФ. — Ф. 0132. — Оп. 26. — П. 264. — Д. 77. — Л. 4.

³Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945. — 3 Aufl. — Bonn, 1991. — S. 235.

в Вашингтоне А. А. Громыко генеральным секретарем Международного Комитета¹.

Недоверие СССР к МККК усилилось в связи с Катынским делом. Москва, как известно, категорически отрицала свое участие в расстрелах польских пленных офицеров и возлагала ответственность за эту акцию на германскую сторону. В апреле 1943 г. немцы попытались привлечь к расследованию кровавого инцидента Международный Комитет. Реакция руководства СССР и лично И. В. Сталина на этот шаг была резко отрицательной, что доказывает его переписка с руководителями США и Великобритании². Более того, у советского вождя и его соратников закрались подозрения в прогерманской позиции МККК. В этой связи новому уполномоченному Международного Комитета Вальдемару Верлену (с 1921 по 1938 гг. он являлся главой представительства МККК в России) даже пришлось оправдываться перед советской стороной. 6 мая 1943 г. он заявил советскому послу С. А. Виноградову, что его организация направила бы своих экспертов в Катынь лишь в том случае, если бы эта просьба исходила от всех заинтересованных сторон. И МККК никогда не стал бы участвовать в расследовании этого преступления до тех пор, «пока Советское Правительство такоже не выразило бы такого желания»³.

Настойчивые попытки МККК наладить деловые отношения с Москвой вынудили председателя исполкома Красного Креста СССР Колесникова обратиться непосредственно к Молотову. В письме, направленном в адрес наркома 5 мая 1943 г., он откровенно признал, что возглавляемая им организация не выполняет возложенных на нее задач по облегчению участи военнопленных. «Согласно указаниям Наркоминдела, — писал Колесников, — мы ни на один запрос, как единичный, так и групповой, ни Международному Красному Кресту в Женеве, ни его филиалу в Анкаре не отвечали». Автор письма, как показывает анализ этого документа, рассчитывал внушить Молотову следующую главную мысль: контакты с МККК поднимут авторитет Красного Креста СССР за рубежом, а враждебной антисоветской пропаганде, обвиняющей Москву в черством отношении к военнопленным, будет дан достойный отпор⁴.

¹Россия—Швейцария. 1813—1955 гг. Документы и материалы. — М.: Международные отношения, 1995. — С. 507.

²Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании 1941—1945 гг. — М., 1957. — Т. 1. — С. 119—121.

³АВП РФ. — Ф. 132. — Оп. 28. — П. 99. — Д. 53. — Л. 9—11.

⁴Там же. — Ф. 054. — Оп. 22. — П. 530. — Д. 73. — Л. 37—38.

В июле 1943 г. уполномоченный МККК В. Верлен встретился с руководителями посольства СССР в Тегеране, где поставил вопрос об установлении "деловых отношений с Советским Обществом Красного Креста". Сотрудники дипломатического ведомства посоветовали Верлену подать заявление о выдаче визы на въезд в Москву. Последний в свою очередь предложил СОКК и КП направить в Тегеран своего делегата для устранения неясностей, осложняющих контакты двух краснокрестных организаций. В декабре 1943 г. сотрудник советского Красного Креста О. В. Бароян прибыл на встречу с уполномоченным МККК. Представитель Женевы остался явно не удовлетворен состоявшейся беседой, ибо неожиданно уяснил для себя главное: розыск военнопленных является прерогативой Верховного командования Красной Армии. Ссылка на то, что исполком Красного Креста СССР полностью поглощен работой внутри страны и по этой причине отказывается от всякой деятельности за ее пределами, звучала не вполне убедительно¹.

Между тем, уступая настойчивости делегатов Международного Комитета, германские власти разрешили вести переписку депортированным в Германию и находящимся на оккупированной территории гражданам СССР. Однако немцы поставили условие, что такого рода переписка должна осуществляться на основе взаимности. 10 марта 1944 г. делегат МККК в Тегеране проинформировал об этом советскую сторону. Ответа из Москвы не последовало.

Окончательно позиция советского руководства стала ясна 9 августа 1944 года. В этот день представитель Красного Креста в СССР сообщил делегату Международного Комитета, что в настоящий момент правительство СССР не разрешает СОКК и КП вступать в официальные отношения с МККК, а посему советский Красный Крест не может компетентно ответить ни на одно его предложение².

Заявление, сделанное в советском посольстве 9 августа, развеяло последние иллюзии по поводу сближения позиций между Женевой и Москвой. Вскоре это подтвердила гневная реакция СССР на "Обращение МККК к правительствам воюющих стран". Международный Комитет предлагал, во избежание необъективности отложить проведение судебных процессов над военноплен-

¹Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz. Bd. 7.— München, 1966. —S. 180.

²Rapport du Comité international de la Croix-Rouge sur son activité pendant la Seconde Guerre mondiale. — Genève, 1948. — Vol. 1. — P. 452.

ными до окончания войны. Одновременно "Обращение" напоминало, что практика привлечения их к уголовной ответственности противоречит статье 2-й Женевской конвенции. Иного мнения придерживался Советский Союз, публично осудивший на смертную казнь в конце 1943 г. трех военнослужащих вермахта. И хотя справедливость вынесенного в Харькове приговора МККК под сомнение не ставилась, Москва обвинила Женеву в покровительстве военным преступникам¹.

27 мая 1945 г. посол США А. Гарриман проинформировал Вышинского о бедственном положении делегации МККК в Берлине. При этом он подчеркнул, что генерал Д. Эйзенхауэр готов принять представителей Красного Креста, оказавших "неоценимую помощь союзным военнопленным"². Одновременно с аналогичной просьбой к начальнику Генштаба РККА А. И. Антонову обратился глава американской военной миссии в Москве Д. Дин. Как выяснилось, без продуктов, медикаментов и горючего оказались следующие лица: уполномоченный Женевы доктор Отто Лехнер, его помощник Альберт де Кокатрис, секретарь мадам Урсула Раух и водитель санитарной машины Андре Фрутши. Отдав команду обеспечить швейцарских подданных самым необходимым, генерал армии Антонов 14 июня 1945 г. доложил Молотову: "Считал бы возможным делегацию направить в район расположения американских войск"³. Однако Вышинский, которому нарком иностранных дел передал данный вопрос на окончательное решение, думал иначе. В отчете МККК, опубликованном после войны, говорится о том, что в июне сорок пятого берлинская делегация МККК по неизвестным причинам была доставлена в СССР, где в течение нескольких месяцев находилась на положении интернированных⁴.

Контакты между СССР и МККК по окончании войны. После капитуляции фашистской Германии в поле зрения МККК прежде всего попали солдаты и офицеры вражеских армий, оказавшиеся в руках СССР, США и Великобритании. Позиция Советского Союза в отношении военнопленных была предельно жесткой: по планам советского руководства, им предстояло в течение не менее 10 лет возмещать нанесенный стране материальный ущерб. С такой постановкой вопроса в 1943—1945 годах союзники были

¹ См.: Трайнин А. Н. Бесчеловечный гуманизм // Война и рабочий класс. — 1944. — № 9. — С. 18—20.

² АВП РФ. — Ф. 0129. — Оп. 54. — П. 176. — Д. 80. — Л. 44—45.

³ Там же. — Л. 49—50.

⁴ Rapport du Comité international de la Croix-Rouge sur son activité pendant la Seconde Guerre mondiale. — Genève, 1948. — Vol. 1. — P. 453.

согласны. На Потсдамской конференции вопрос о сроках репатриации пленных немцев даже не поднимался.

С юридической точки зрения предъявить к странам-победительницам какие-либо претензии было достаточно сложно. В статье 75-й Женевской конвенции 1929 года говорится, что возвращение военнопленных на родину «должно производиться в кратчайший после заключения мира срок». Однако после ареста членов кабинета правительства Дёница и констатации того факта, что в Германии не существует какого-либо правительства вообще, заключать мир было попросту не с кем. В Меморандуме МККК от 21 августа 1945 года, адресованном США, Великобритании и Франции, Макс Губер призывал великие державы с пониманием отнестись к сложившейся ситуации. Вряд ли приемлем формальный подход к документам международного права, когда речь идет о судьбе людей. В любом случае «срок нахождения в плену не должен оставаться неопределенным»¹.

В Вашингтоне, как свидетельствуют архивные документы, реакция на Меморандум МККК была положительной. 17 ноября 1945 года американский посол А. Гарриман от имени своего правительства предложил правительству СССР одобрить инициативу Международного Комитета по поводу созыва в Женеве неофициального совещания по пересмотру конвенций о защите жертв войны. К сожалению, в Наркомате иностранных дел усмотрели в инициативе МККК только намерение поскорее возвратить военнопленных на родину. Отрицательный ответ заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский мотивировал следующим образом: «...На мировое общественное мнение произвело бы неблагоприятное впечатление, если бы правительства главных участвовавших в войне стран уже в первые дни мира занялись подготовкой соглашения касательно военнопленных»².

26 июля 1946 года председатель МККК адресовал В. М. Молотову письмо, в котором благодарил советское правительство «за великодушную инициативу» и намерение «репатриировать в ближайшем будущем 120000 немецких военнопленных». К письму прилагался Меморандум МККК, датированный 2 июля 1946 года. По мнению М. Губера, этот документ, содержащий ссылку на положения Женевской конвенции, «мог бы интересовать и Советские Власти»³.

Досконально изучив послание председателя Международного Комитета, сотрудники Министерства иностранных дел пришли к выводу о том,

¹АВП РФ. — Ф. 082. — Оп. 30. — П. 129. — Д. 17. — Л. 41.

²Там же. — Ф. 129. — Оп. 29. — П. 176. — Д. 80. — Л. 113.

³Там же. — Ф. 082. — Оп. 30. — П. 129. — Д. 17. — Л. 40.

что поступивший Меморандум, равно как и предыдущий — от 21 августа 1945 года, следует оставить без ответа. При этом руководство СССР придерживалось следующей точки зрения: с таким решением будут солидарны народы всех стран, подвергшиеся кошмару гитлеровской оккупации. Военнопленные — те же оккупанты, которые должны разделить с главными виновниками ответственность за чудовищные преступления против мира и человечности.

Вместе с тем СССР не считал возможным проигнорировать 19 сессию Совета правителей Лиги обществ Красного Креста, которая проходила в Оксфорде в июне 1946 года. На этой сессии Макс Губеру удалось войти в контакт с председателем исполкома Красного Креста в СССР С. А. Колесниковым¹. Последнему было предложено направить в Женеву своего постоянного представителя для решения неурегулированных проблем, связанных с судьбой жертв минувшей войны. 31 июля этого же года данное предложение было подтверждено официальным письмом².

24 декабря 1947 года заместитель министра иностранных дел А. Я. Вышинский своим письмом за № 580 с предложил исполкому СОКК и КП представить по истечении месяца свои соображения по пересмотру Женевских конвенций. В русле этой директивы была ускорена работа по подготовке так называемой «Единой конвенции о защите жертв войны»³. Необходимость форсировать процесс выработки такого документа диктовалась участием советской делегации в 17-й Международной конференции Красного Креста, которая должна была состояться в Стокгольме в августе 1948 года.

В ходе подготовки к предстоящему форуму был решен вопрос о создании межведомственной комиссии, в которую вошли представители Министерства иностранных дел, ГУПВИ МВД, Министерства здравоохранения, военно-санитарной службы Министерства вооруженных сил и ученые в области международного права. Сотрудники всех перечисленных организаций должны были совместно с исполкомом Красного Креста завершить работу над проектом «Единой конвенции». Одновременно ставилась задача разоблачать общества Красного Креста тех стран, «которые поставили

¹В конце 40-х годов председатель исполкома СОККиКП С. А. Колесников был репрессирован, о чем упоминает в своей книге «Архипелаг Гулаг» А. И. Солженицын.

²Россия—Швейцария. 1813—1955 гг. Документы и материалы. — М.: Международные отношения, 1995. — С. 508.

³ГАРФ. — Ф. 9051. — Оп. 5. — Д. 68. — Л. 7.

себя на службу антидемократической, реакционной политике своих правительств». К таковым советское руководство, в частности, относило британский Красный Крест, якобы способствовавший насильственному задержанию советских детей в английской зоне оккупации Германии¹.

За день до открытия конференции в Стокгольме, 18 августа 1948 года, руководитель советской делегации Красного Креста Б. М. Пашков получил из Москвы телеграмму председателя исполкома СОКК и КП СССР В. А. Холодкова следующего содержания: «Отношение советского Красного Креста к 17-й конференции остается прежним. Руководствуйтесь директивой, полученной в Москве»². О том, что подразумевала под собой эта директива, красноречиво свидетельствует отчет главы советской делегации Б. М. Пашкова. Последний вручил организаторам форума в Стокгольме официальный отказ на участие в работе конференции. Одновременно советская сторона потребовала сохранить за собой право занять места в зале в качестве гостей и получать все документы, предназначенные для участников конференции.

После того как австралийский делегат предложил принять резолюцию, одобряющую деятельность МККК во время Второй мировой войны, делегация СССР представила свои возражения. Вслед за этим советская сторона потребовала рассмотреть вопрос о создании единого центра Красного Креста и о принятии «Единой конвенции о защите жертв войны». Однако эти демарши представителей Москвы не были поддержаны большинством участников форума.

В процессе работы участники Стокгольмского совещания обсуждали четыре проекта: Конвенцию об улучшении участи раненых и больных воинов; Конвенцию о защите лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море; Конвенцию о защите военнопленных; Конвенцию о защите гражданского населения. Одновременно был выработан новый проект Устава, благодаря которому удалось избежать раскола в краснокрестном движении, а Международному Комитету, как и ранее, вменялось в обязанность осуществлять помощь жертвам вооруженных конфликтов.

В 1949 году СССР принял участие в дипломатической конференции в Женеве. Накануне и в ходе конференции исполком СОКК и КП высказал следующие соображения: в новой конвенции о военнопленных необходимо сохранить статью, предусматривающую уголовное наказание пленных сол-

¹ГАРФ. — Ф. 9051. — Оп. 5. — Д. 68. — Л. 9.

²Там же. — Д. 131. — Л. 298.

дат и офицеров, нарушивших законы и обычаи войны; в конвенцию должно войти положение о том, что любая агитация за невозвращение на родину недопустима; наконец, ни один военнопленный не может отказываться от прав, предоставленных ему данным соглашением. Политический характер этих оговорок не вызывает никакого сомнения. Советское руководство в те дни было крайне озабочено, во-первых, необходимостью проведения суда над 50000 немецких военнопленных; во-вторых, возвращением на родину своих сограждан, которые, как оно подозревало, могут быть использованы западными спецслужбами для шпионажа и антисоветской пропаганды.

В конце сороковых годов, как известно, приоритетным направлением внешней политики СССР был объявлен курс на развертывание движения сторонников мира. Весной и летом 1950 г. шла усиленная подготовка к созыву второго Всемирного конгресса сторонников мира, проводились акции протеста против развязанной империалистами войны в Корее, митинги за запрещение атомного оружия. При этом ставилась задача заручиться поддержкой как можно большего числа зарубежных партий и общественных организаций. Именно в эти дни Международный Комитет Красного Креста обратился к правительствам 62 стран с призывом сделать все возможное для того, чтобы наложить запрет на производство ядерного оружия. Данный факт не прошел мимо внимания СССР. 20 октября 1950 года новый председатель исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца В. А. Холодков направил председателю МККК П. Рюгеру официальное приглашение посетить Советский Союз. Международный Комитет Красного Креста ответил согласием, предложив одновременно не просто возобновить прерванные контакты, но и открыть свое представительство в Москве¹.

Президент МККК с супругой и пять его сотрудников прибыли в столицу 10 ноября 1950 года. На следующий день в резиденции исполкома СОКК и КП СССР был согласован круг подлежащих обсуждению вопросов. К наиболее важным были отнесены следующие: установление официальных контактов между СССР и МККК; региональные конфликты на карте мира и пути их устранения; Женевские конвенции 1949 г. и их ратификация; гуманитарная деятельность Красного Креста по розыску пропавших без вести в войнах и вооруженных столкновениях².

Представители советской стороны, следуя полученным инструкциям, прежде всего старались убедить своих коллег развернуть пропаганду про-

¹ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. 5. — Д. 3. — Л. 1.

²Там же. — Л. 3—5.

тив «поджигателей новой войны». В частности, заместитель начальника Управления внешних сношений Красного Креста Н. И. Чикаленко заявил, что никто не собирался толкать МККК на путь политической пропаганды, но представители Женевы должны уяснить следующее: в мире есть два лагеря — один «пытается развязать войну», второй — «стремится к созданию прочного мира». На это заявление один из швейцарцев вполне резонно заметил, что МККК традиционно проповедует принцип нейтральности. И стоит ему зачислить то или иное правительство в разряд «поджигателей войны», как доступ уполномоченным Красного Креста на театр военных действий и в лагеря военнопленных будет тут же закрыт¹.

На следующий день переговоров, помимо прочих, обсуждался вопрос о розыске граждан, без вести пропавших в годы Второй мировой войны. Делегация МККК привела примеры того, как благодаря ее усилиям и контактам с правительством Франции удалось прояснить судьбу 190000 немецких военнопленных, и выразила надежду на подобное сотрудничество с исполкомом СОКК и КП СССР. Однако советская делегация в тот момент от обсуждения этой темы отказалась. В последний день переговоров делегат Женевы Глоор вновь поднял злободневный вопрос, осторожно предположив, не могут ли разыскиваемые лица работать в СССР по контрактам, как это делается во Франции. На это заявление начальник Управления внешних сношений Красного Креста О. В. Бароян заметил: «...Мы этого не делаем. У нас, как я уже говорил, нет военнопленных. Мы считаем более гуманным отпустить военнопленного, чем оставить работать в нашей стране»².

Более продуктивно, нежели проблема военнопленных, прошло обсуждение других вопросов повестки дня. Советской делегации удалось убедить П. Рюгера в необходимости осудить войну в Корее и выступить за всеобщее разоружение. Последний, однако, попросил не оглашать достигнутое договоренность в печати.

Впрочем, председатель МККК волновался зря. Какого-либо совместного коммюнике по итогам переговоров выработано не было. Советский Красный Крест попросту не получил санкции правительства на подобные действия. Давая оценку визиту делегации МККК в Советский Союз, посланник Швейцарии в СССР К. Горже писал: «...Г-н Рюгер вернулся не с пустыми руками. Отнюдь нет. Уже одно восстановление сер-

¹ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. 5. — Д. 3. — Л. 90—98.

²Там же. — Л. 185.

дечных отношений между Женевой и Москвой на уровне организации Красного Креста было бы, несомненно, прекрасным результатом»¹. Первое время оптимистический прогноз оправдывался. 22 августа 1951 г. Президиум СОКК и КП принял решение об установлении официально-сотрудничества с МККК, что предполагало открытие представительства этой организации в Москве, уплату вступительных взносов и целый ряд взаимных обязательств. Однако обострение военно-политического и идеологического противостояния между СССР и США поставило крест на этих планах.

Во время корейской войны МККК неоднократно высылал своих делегатов на театр военных действий, чтобы осуществлять контроль за соблюдением законов и обычаев войны. На 23 ноября 1951 г. в Женеве было получено 19 сообщений о нарушении воюющими сторонами Женевских конвенций. Последним из таких сообщений был инициированный советской стороной «Доклад комиссии Международной демократической федерации женщин». В упомянутом докладе американские и южнокорейские войска обвинялись в целом ряде преступлений против человечности и игнорировании норм международного права. В этой связи МККК вынужден был выступить с меморандумом, в котором подчеркивалась беспристрастная позиция Международного Комитета и разъяснялась его роль при расследовании случаев нарушения той или другой противоборствующей державой законов и обычаев войны.

Критическое отношение СССР к МККК особенно ярко заявило о себе с весны 1952 года. В этой связи Международный Комитет вынужден был представить объяснения властям Северной Кореи и поддерживающей ее советской стороне. В послании главнокомандующему Ким Ир Сэну говорилось: «Дошедшие до нас недавно сведения вынуждают нас сделать вывод о наличии с Вашей стороны серьезного недопонимания особого положения МККК, что заставляет нас опасаться возникновения серьезного недоразумения, в частности, вследствие недопонимания различия между нашей организацией и Организацией Объединенных Наций».²

В апреле 1952 г. на заседании Комиссии ООН по разоружению постоянный представитель СССР в Организации Объединенных наций Я. А. Малик отрицательно охарактеризовал деятельность Международ-

¹Россия—Швейцария. 1813-1955 гг. Документы и материалы. — М.: Международные отношения, 1995. — С. 504.

²ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. . — Д. 82. — Л. 1-3.

ного Комитета Красного Креста по урегулированию войны в Корее и обвинил эту организацию в пособничестве американскому империализму. С еще более громкими обвинениями в адрес МККК выступила советская пресса. Газета «Правда» в те дни писала, что представители Женевы во время своих инспекционных поездок по лагерям военнопленных сознательно игнорировали ужасающие условия, в которых содержатся военнопленные и гражданские лица, «попавшие в лапы американских властей в Южной Корее». Такую позицию, по мнению автора статьи, случайной не назовешь: во-первых, львиную долю всех добровольных пожертвований МККК получает от Соединенных Штатов, а во-вторых, уполномоченные этой организации имеют богатый опыт «сокрытия военных преступлений» еще со времен Второй мировой войны: незамеченными остались чудовищные преступления гитлеровцев в лагерях смерти Майданека, Освенцима, Бухенвальда»¹.

7 мая 1952 г. швейцарский посланник в СССР К. Горже от имени своего правительства выразил протест по случаю «несправедливой критики» и «оскорбительных высказываний» в адрес почти всех членов МККК. Заместитель министра иностранных дел А. Е. Богомолов в ответ на это заявил, что выступление Малика в Комитете ООН по разоружению считает совершенно правильным. Что же касается критики в адрес Комитета, которая прозвучала со страниц печати, то ее следует расценивать как «общественное мнение миллионов советских людей»².

Не изменилась политика СССР по отношению к МККК и в ближайшие месяцы. Выступая в Совете безопасности ООН 8 июля 1952 г., Малик в очередной раз назвал Международный Комитет «орудием американской политики». А советская пресса опубликовала еще несколько критических статей, в одной из которых доказывалась юридическая несостоятельность МККК как международной организации.

Неудивительно, что в такой обстановке контакты между СССР и МККК были вновь прерваны. И один из каналов, который правительства ФРГ и других стран надеялись использовать для выяснения судеб военнопленных, был перекрыт.

Определенную надежду мировая общественность связывала с 18-й конференцией Международного Красного Креста, которая проходила в Торонто с 26 июля по 7 августа 1952 г. Поскольку в конферен-

¹Правда. — 1952. — 29 апреля.

²АВП РФ. — Ф. 0141. — Оп. 34. — П. 126. — Д. 5 — Л. 5. — Л. 6-10.

ции участвовали делегации обществ Красного Креста 57 стран, представители правительственных кругов и влиятельных общественных организаций, СССР не стал игнорировать этот форум.

На конференции была также единодушно одобрена и принята так называемая «Резолюция № 20». Текст этого документа гласил: «18-я Международная конференция обществ Красного Креста, принимая во внимание тот факт, что вследствие Второй мировой войны огромное количество лиц, взрослых и детей не имеет возможности вернуться на свою родину, рекомендует национальным обществам обратиться к своим правительствам в качестве посредников с целью широкомасштабного освобождения этих лиц, получения сведений о судьбе этих лиц и облегчения участи их путем передачи гуманитарной помощи»¹.

Советская делегация во главе с генералом Н. В. Славиним (его воинское звание и должность начальника Управления внешних сношений Генштаба, разумеется, не афишировались), прежде всего использовала трибуну конференции для «разоблачения преступной деятельности американской военщины в Корее и Китае». Одновременно была сделана попытка лишить МККК статуса международной организации. Когда же большинство делегатов выступило против такого предложения, то глава советской делегации заявил, что СССР не будет признавать за МККК «представляемые ему права и функции»².

Таким образом, к концу 1952 года конфронтация между МККК и СССР достигла своей наивысшей точки. Потребовалось сорок лет, прежде чем, уже в новых исторических условиях, сотрудничество Международного Комитета с Россией — преемницей бывшего Советского Союза — снова было возобновлено.

¹Riesenberger D. (Hg.) Das Deutsche Rote Kreuz, Konrad Adenauer und das Kriegsgefangenenproblem. Documentation und Kommentar. — Bremen, 1994, S. 37.

²Советский Красный Крест. — 1952. — № 5. — С. 30.

ДОКУМЕНТЫ

Документ № 1. Справка руководителя Центрального справочного бюро при исполкоме СОКК и КП от 27 февраля 1940 года

Созданное по указанию СНК СССР при Исполкоме СОКК и КП Центральное Справочное Бюро по розыску военнопленных и интернированных лиц бывшей польской армии начало функционировать в октябре 1939 года.

Сложность работы этого Бюро по своему содержанию осложняется отсутствием четких конкретных указаний со стороны организаций, с которыми ему приходится контактировать (НКВД и НКВД СССР).

Например:

1. Центральное Справочное Бюро не может отвечать на все поступившие из-за границы запросы от частных лиц, международного Комитета и Национальных Обществ Красного Креста о розыске солдат бывшей польской армии, которые находятся в лагерях Советского Союза, так как до сих пор не дано названия этим лицам (военнопленный, интернированный и т. д.).

Управление по делам о военнопленных НКВД СССР сначала дало указание называть их военнопленными (см. приложение № 1)¹.

Правовой же отдел НКВД (зам. начальника т. Павлов) по нашему запросу ответил, что лиц, находящихся в лагерях Советского Союза, называть военнопленными нельзя (см. приложение № 2—выписка из письма НКВД, п. 5)².

Этот вопрос до сих пор остается неразрешенным. Центральное Справочное Бюро не отвечает на запросы и этим самым мы срываем свою розыскную работу, так как Национальные Общества Красного Креста, не получая от нас ответа, не отвечают на наши запросы, которые мы посылаем по просьбе родственников, проживающих в Западных областях Украинской

¹Не публикуется.

²Не публикуется.

и Белорусской ССР (Германия не дала ни одного ответа, а Международный Комитет Красного Креста в свою очередь поставил перед нами вопрос о присылке им полного списка интернированных лиц, находящихся в лагерях СССР).

2. В связи с тем, что еще нет названия лицам, находящимся в лагерях Советского Союза, нам дана словесная установка Управлением по делам о военнопленных НКВД СССР и заместителем начальника Правового отдела НКВД т. Павловым, что все проходящие через Центральное Справочное Бюро письма лиц из лагерей Советского Союза за границу необходимо задержать до разрешения этого вопроса. В настоящее время таких писем мы имеем 500 шт., и число их с каждым днем у нас будет расти. Часть же аналогичных писем, которые посылаются этими лицами из лагерей в прямые адреса получателей за границу, лагерями пропускаются, и поэтому за границей уже считают, что в Советском Союзе в лагерях находятся военнопленные, и знают даже, в каких лагерях они находятся.

3. Международный Комитет Красного Креста и Национальные Общества Красного Креста посылают стандартные письма от военнопленных и интернированных (стандартные письма установлены Международным Комитетом для всех Обществ Красного Креста — см. приложение копии письма)¹ непосредственно их родственникам, проживающим на территории Западных областей Украинской и Белорусской ССР, а обратно письма родственников идут через Центральное Справочное Бюро. По устному указанию Консульского отдела НКВД зам. начальника т. Крючкова нам предложено эти письма не пересылать. В настоящее время их находится 500 шт.

4. К нам поступают от Международного Комитета и Национальных Обществ Красного Креста запросы военнопленных и интернированных лиц (стандартные запросы — см. приложение № 4)² о розыске их родственников на территории западных областей. В связи с тем, что этим вопросом занимаются Отдел Виз и Регистратура Управления РКМ³ при НКВД СССР, мы направляли их туда, но в настоящее время Консульский отдел НКВД (зам. начальника т. Крючков) дал словесную установку, чтобы мы возвращали эти письма обратно без исполнения, с указанием, что Исполком СОКК и КП этим вопросом не занимается, и

¹ Не публикуется.

² Не публикуется.

³ РКМ — Рабоче-крестьянская милиция

рекомендацией обращаться по этому вопросу в Советское Консульство или Полпредство, находящиеся в той стране, откуда пришел запрос.

Мы считаем, что указание это неверно.

5. К нам поступают запросы от лиц, находящихся в лагерях в СССР, о розыске их родственников за границей с сообщением им, что они здоровы и находятся там-то. По устному указанию заместителя начальника Консульского отдела НКВД т. Крючкова нам этим вопросом заниматься запрещено, тогда как это непосредственная наша работа. И так по целому ряду других вопросов.

Для того чтобы Центральное Справочное Бюро могло вести нормально свою работу, разрешая все неясные вопросы в процессе работы, необходимо НКВД и НКВД СССР совместно с Исполкомом СОКК и КП разработать детальную инструкцию, осветив в ней все вопросы работы Центрального Справочного Бюро, а также прикрепить к ЦСБ один из отделов НКВД, который мог бы в процессе работы давать конкретные указания по всем неясным вопросам.

*Источник: ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. 5. —
Д. 62. — Л. 7—8. Незаверенная копия.*

Документ № 2. Служебная записка председателя исполкома СОКК и КП П. Г. Глебова, направленная в августе 1940 года наркомун внутренних дел Л. П. Берии

Центральному Справочному Бюро при Исполкоме СОКК и КП, организованному в октябре 1939 года, в своей повседневной работе приходится запрашивать Национальные Общества Красного Креста, главным образом Германское общество, и Международный Комитет Красного Креста и Управление по делам военнопленных НКВД СССР о розыске воинских чинов бывшей польской армии, которые находятся как на территории СССР, так и в других странах.

Исполком СОКК и КП по своим запросам, посланным в Германское общество Красного Креста и Международный Комитет Красного Креста, получает ответы с результатами розыска, а ответов на их запросы Исполком не дает, так как Управление по делам военнопленных НКВД СССР с января месяца 1940 г. не отвечает на наши запросы (подано на 2200 человек), и заявления о розыске ежедневно продолжают поступать.

Поскольку основная по количеству корреспонденция поступает от Германского Общества Красного Креста и мы систематически им не отвечаем,

то нормально ли такое отношение со стороны Исполкома СОКК и КП СССР по отношению к Германскому Обществу Красного Креста?

О чем считаем необходимым довести до Вашего сведения, чтобы получить по данному вопросу соответствующее разъяснение.

Председатель Исполкома СОКК и КП СССР Глебов¹.

*Источник: ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. 5. —
Д. 62. — Л. 24. Заверенная копия.*

Документ № 3. Письмо Генерального секретаря Лиги обществ Красного Креста Б. де Руже и члена МККК К. Буркхарта, направленное председателю СОКК и КП П. Г. Глебову в ноябре 1940 года

Глубокоуважаемый г. Председатель, в последних числах мая месяца Международный Комитет Красного Креста и Лига Обществ Красного Креста обратились к различным национальным Обществам Красного Креста с воззванием касательно беженцев и эвакуированных из Франции, Бельгии и Голландии.

Многие из национальных Обществ, которым их положение позволяло это сделать, ответили на наше воззвание утвердительно и прислали нам щедрые пожертвования в пользу этих обездоленных.

Происшедшие уже после этого времени события повлекли за собой в европейских странах, захваченных войной, новые эмиграции и новые несчастья.

Мы хотели бы в настоящее время обратить Ваше особое внимание на положение женщин и детей в странах, затронутых войной; судьба их не только не улучшается, но, наоборот, делается все более трудной и тяжелой. Международный Комитет Красного Креста и Лига Обществ Красного Креста не могут без ужаса думать о бедствиях, постигших столько тысяч людей.

Ввиду вышеизложенного обеим международным краснокрестным организациям показалось своевременным взять на себя новую инициативу и попросить национальные Общества взвесить вопрос о возмож-

¹В документе имеется пометка: «Сопруненко. Завтра 20.VIII.40 в 3 часа дня». Видимо, руководство Красного Креста СССР предварительно намеревалось обсудить злободневную проблему с начальником УПВИ НКВД по делам военнопленных П. К. Сопруненко.

ности мобилизовать в их странах общественную помощь и жертвенность. Мы уверены, что наше предложение встретит у национальных Обществ тот же благожелательный прием, который всегда бывал оказываем ими просьбам о помощи, предназначенной страдающим женщинам и детям.

Итак, мы просим Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР оказать нам всю возможную помощь и поддержку.

Что касается, во-первых, пожертвований деньгами, то мы просили бы Вашу организацию направлять их в Банк Международных Расчетов в Базеле, на общий счет Международного Комитета Красного Креста и Лиги Обществ Красного Креста, с указанием, посылаются ли деньги с особым назначением или нет. Международный Комитет и Лига позволяют себе заметить, что они определенно предпочитают последнюю формулу, благодаря которой они, пользуясь оказываемым им национальными Обществами доверием, могли бы распределять пособия среди наиболее нуждающихся групп женщин и детей.

Относительно пожертвований натурой мы прилагаем список нужд, которые, по произведенным нами расследованиям, представляются наиболее обычными и срочными¹. В первую очередь идут пищевые продукты, содержащие наибольшее количество витаминов.

С другой стороны, было бы, по нашему мнению, важно, чтобы Ваша организация самолично безотлагательно установила категории и количества пищевых продуктов, которые могут быть приобретены в своей стране.

Мы просим национальные Общества распространить наше воззвание в своей стране путем прессы, радио и т. д. Мы не закрываем глаз на то, что, ввиду настоящего положения, делающегося все более угрожающим, собранные таким образом национальными Обществами пожертвования, несмотря на всеобщую щедрость, смогут покрыть лишь очень незначительную часть нужд. Тем не менее нам кажется, что на международных краснокрестных организациях лежит долг взывать к принципам солидарности, которая должна существовать среди национальных Обществ Красного Креста в вопросе оказания в полном размере всей возможной помощи женщинам и детям, являющимися жертвами войны.

Мы прилагаем копию нашего письма к Вашему Правительству, просим Вас не отказать этому сообщению во всем Вашем внимании. Если, как мы в том не сомневаемся, Вы будете согласны поддержать наши старания, то мы

¹Список не публикуется.

будем Вам искренно признательны за возможное ходатайство перед Властями Вашей страны в целях наиболее благоприятного и быстрого разрешения предлагаемого нам ими вопроса.

Примите, Господин Председатель, уверения в глубоком нашем уважении и преданности.

*За Лигу Обществ
Красного Креста:
Генеральный Секретарь
Лиги Обществ Красного Креста
Б. де Ружэ*

*За Международный Комитет
Красного Креста:
Член Международного
Комитета Красного Креста
Карл И. Буркхардт*

Господину Народному Комиссару
по Иностранным делам СССР
МОСКВА

Господин Народный Комиссар, ввиду того, что постепенно увеличивается серьезность продовольственного положения в странах, пострадавших от войны, Международный Комитет Красного Креста и Лига Обществ Красного Креста считают своим долгом взять на себя новую инициативу.

Воззвание, обращенное Комитетом и Лигой 29-го и 30-го мая 1940 года к национальным Обществам Красного Креста в пользу беженцев во Франции, было встречено весьма сочувственно. В нескольких особенно серьезных случаях действительная помощь могла быть предложена особо пострадавшим местностям, причем некоторые страны оказали очень ценное содействие.

Ввиду обширности настоящей задачи не может быть достаточно одних пожертвований. Необходимо также рассмотреть возможности закупок и обменов.

Международный Комитет и Лига Обществ Красного Креста позволяют себе поэтому обратиться к Правительству СССР с просьбой помочь им в этом предприятии, трудности которого ими не преуменьшаются, и оказать все возможное содействие и поддержку как им, так и национальному Красному Кресту своей страны, к которому они также обращаются в письме.

Мы позволяем себе особо подчеркнуть, что здесь отнюдь не идет речь о какой-либо «организации всеобщего снабжения продовольствием», вроде тех,

которые могли создаваться во время войны 1914-18 г. Надлежит создать организацию, располагающую резервами, которые могут быть немедленно использованы, что давало бы возможность оказания непосредственной помощи в наиболее срочных случаях.

Оказание помощи военнопленным (лежащее исключительно на Международном Комитете Красного Креста) может быть осуществлено посредством посылок из заокеанских стран. Помощь же женщинам и детям, которая предпринимается обоими нижеподписавшимися учреждениями совместно, должна, напротив, быть организована в странах, из которых вывоз не встречает непреодолимых препятствий.

Дабы придать законченную форму организации нашего дела, нам было бы полезно получить точные указания по вопросу о том, какие категории и какие количества пищевых продуктов могут быть покупаемы в Вашей стране.

Имея в виду, что положение может стать еще более серьезным, обе международные организации Красного Креста при содействии желающих участвовать в их работе национальных Красных Крестов желали бы, опираясь на оказываемое им Правительствами доверие, иметь уже теперь возможность оказывать гуманитарную помощь в ограниченных рамках. Это желание и дает им смелость обратиться к Вам с вышеизложенной просьбой.

Позволяем себе добавить, что мы держим воюющие страны в курсе нашего начинания и смеем рассчитывать на поддержку, которую они неизменно оказывали деятельности Красного Креста.

Примите, Господин Народный Комиссар, уверения в нашем глубоком уважении и таковой же преданности.

Б. де Ружэ, Генеральный Секретарь Лиги Обществ Красного Креста
Карл И. Буркхардт, Член Международного Комитета Красного Креста

*Источник: ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. 5. —
Д. 62. — Л. 31—32 об. Заверенная копия.*

Документ № 4. Письмо руководства исполкома СОКК и КП, направленное в СНК СССР 31 декабря 1940 года

Исполкомом Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР получено письмо от Международного Комитета Красного Креста и Лиги Обществ Красного Креста. Письмо содержит просьбу об оказании нашим Обществом помощи женщинам и детям, пострадавшим от вызванных войной бедствий.

На основании того, что Исполком Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца «юридически» является членом Международного Комитета Красного Креста и Лиги Обществ Красного Креста (поскольку в течение ряда лет наше Общество вносило членские взносы в эти две организации), игнорировать их обращение о помощи в данное время вряд ли будет удобно.

Мы полагаем, что по линии Исполкома СОКК и КП следует оказать этим организациям помощь путем внесения некоторой суммы денежных средств. Организацию всяких других видов помощи (продукты питания, одежда и пр.) Исполком СОКК и КП считает нецелесообразной.

В связи с вышеизложенным просим дать соответствующие указания по затронутому вопросу.

Председатель Исполкома СОКК и КП Глебов

*Источник: ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. 5. —
Д. 62. — Л. 34. Заверенная копия.*

Документ № 5. Справка, подготовленная 29 мая 1941 года для председателя СОККиКП С. А. Колесникова в связи с просьбой МККК об открытии представительства в Москве

1. Просьба, о которой говорится в настоящем письме, была направлена тов. Коллонтай в адрес Зам. Наркома Иностранных Дел тов. Лозовского при письме от 15-го апреля 1941 года. Заключалась эта просьба в нижеследующем:

Представитель МККК в Швеции адвокат Квинч¹ по поручению МККК сообщил, что МККК крайне удивлен тем обстоятельством, что Исполком СОККиКП не отвечает на запросы о розыске лиц, с которыми МККК обращается в Исполком СОККиКП. Адвокат Квинч указал, что МККК сейчас, помимо вопросов о военнопленных, главным образом занят облегчением поисков членов семей, разбросанных вследствие мировой войны по разным странам — дети отыскивают родителей, жены — мужей и т. д.

Для того чтобы наладить более тесную связь с СССР, адвокат Квинч просил тов. Коллонтай выяснить, нет ли возможности либо иметь МККК своего представителя в СССР, либо установить какую-либо связь с Исполкомом Красного Креста, дающую возможность наводить справки о пропавших членах семейств.

¹Правильно *Квинше*.

2. Ответа в части, касающейся возможности допуска в СССР представителя МККК, с нашей стороны дано не было. Очевидно, и НКВД СССР по этому вопросу не дал ответа тов. Коллонтай. Что же касается розыска частных лиц, то по этому вопросу Исполком СОККиКП дано исчерпывающее разъяснение МККК в нашем письме, согласованном с НКВД, еще 28-го мая 1940 года.

В этом письме Исполком СОККиКП поставил МККК в известность, что розыском частных лиц мы не занимаемся и что «в соответствии с законодательством Союза Советских Социалистических Республик поручения иностранных миссий в СССР и частных граждан за границей о розыске и наведении справок о проживающих в СССР гражданах принимаются к исполнению консульскими учреждениями Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР».

3. Исходя из этой установки, Исполком СОККиКП все запросы, поступающие от иностранных граждан, о розыске частных лиц на территории СССР направляет в Консульский Отдел НКВД. Равным образом в Консульский Отдел направляются нами и запросы советских граждан о розыске частных лиц на территории иностранных государств.

4. По вопросу о розыске военнопленных и интернированных воинских чинов бывшей польской армии у нас имеется тесный контакт с Управлением по делам о военнопленных и интернированных НКВД, и в настоящее время мы получаем от НКВД очень быстро все ответы на наши запросы. В ближайшее время мы можем направить в МККК ответы на большинство их запросов о наведении справок по этой категории запросов.

Нач. ИНО Большаков

Источник: ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. 5. — Д. 62. — Л. 48.

Документ № 6. Письмо заместителя председателя исполкома СОКК и КП П. Д. Дивакова в правовой отдел Наркомата иностранных дел от 3 июня 1941 года

Ввиду того что представитель Международного Комитета Красного Креста в Швеции адвокат Квинше по поручению МККК уже вторично обращается к полпреду СССР в Швеции тов. Коллонтай с вопросом о возможности установления более тесной связи с Союзом Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР и, в частности, выдвигает предложение о

посылке в Москву постоянного представителя МККК, Исполком СОКК и КП просит сообщить тов. Коллонтай для передачи представителю МККК следующее:

1. Исполком СОКК и КП в настоящее время принимает все зависящие от него меры к тому, чтобы поддерживать постоянную связь и, в пределах возможности, должное сотрудничество с МККК во всех вопросах его гуманитарной деятельности, в частности, по вопросу о наведении различного рода справок о воинских чинах бывшей польской армии, находящихся на территории СССР, с тем чтобы облегчить им возможность переписки со своими родственниками, проживающими за границей.

Что же касается наведения справок о частных лицах, проживающих на территории СССР, то подобная деятельность не входит в компетенцию Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР и не предусмотрена его Уставом. По этому вопросу Исполком СОКК и КП в своем письме от 28 мая 1940 года уже сообщал МККК, что розыском частных лиц организации Красного Креста СССР не занимаются и что в соответствии с законодательством Союза Советских Социалистических Республик поручения иностранных миссий в СССР и частных граждан за границей о розыске и наведении справок о проживающих в СССР гражданах принимаются к исполнению консульскими учреждениями Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР.

2. Исполком СОКК и КП, обсудив предложение МККК о посылке в СССР своего представителя, считает, что это предложение не вызывается в данное время необходимостью. Организации Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР осуществляют свою работу в условиях невоюющей страны, а потому практической деятельности представителя МККК в СССР должного применения не имеется.

Заместитель Председателя Исполкома СОКК и КП Диваков

Источник: ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. 5. — Д. 62. — Л. 49. Заверенная копия.

Документ № 7. Телеграмма наркома иностранных дел В. М. Молотова, направленная 27 июня 1941 г. председателю МККК М. Губеру

Советское Правительство готово принять предложение Международного Комитета Красного Креста относительно представления сведе-

ний о военнопленных, если такие же сведения будут представляться воюющими с советским государством странами.

Народный комиссар иностранных дел Молотов

Источник: АВП РФ. — Ф. 054. — Оп. 22. — П. 530. — Д. 73. — Л. 36. Заверенная копия.

Документ № 8. Телеграфный протест Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в адрес МККК от 6 июля 1941 г. по поводу нарушения Германией Женевской конвенции.

Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР заявляет решительный протест против неоднократных бомбардировок санитарных формирований и учреждений вторгшимися на территорию СССР немецкими войсками. С 22 по 28 июня немецкие бомбардировщики атаковали и разрушили госпитали в городах Гродно, Лиде, Минске, Смоленске. Они подвергли также бомбардировке с воздуха санитарный поезд в гор. Львове и целый ряд полевых санитарных учреждений, несмотря на ясное обозначение и видимость отличительных знаков, установленных Женевской конвенцией для этих учреждений. При бомбардировке пострадали медицинский персонал, раненые и больные, находившиеся на излечении в госпиталях.

Источник: Правда. — 1941. — 6 июля.

Документ № 9. Телеграфный протест Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в адрес МККК от 7 июля 1941 г. по поводу нарушения Германией Женевской конвенции.

Исполком Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР получил ряд новых фактов, свидетельствующих о грубом нарушении немецкими военнослужащими основных положений Женевской конвенции Красного Креста. Немецкие истребители расстреливают санитаров, подбирающих раненых на поле сражения. В городе Поставы немецкий легкий бомбардировщик расстрелял из пулемета санитаров, выносивших раненых красноармейцев, несмотря на четкую видимость опознавательных знаков Красного Креста. Бежавшие

из немецкого плена сержант Карасев и красноармеец Васильев подверглись жестоким насилиям и пыткам. Они же свидетельствуют о подобных жестокостях со стороны немецкого командования, расстреливающего раненых военнопленных красноармейцев за их отказ давать сведения военного характера.

Председатель Исполкома СОКК и КП Колесников

*Источник: ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. 5. —
Д. 62. — Л. 73. Заверенная копия.*

Документ № 10. Ответная телеграмма МККК на телеграммы СОКК и КП СССР от 6 и 7 июля 1941 года

Согласно традициям и Уставу Международного Красного Креста нами переданы Германскому Красному Кресту Ваши телеграммы от 6 и 7 июля с просьбой ответить по существу этих телеграмм

11 июля 41 г.

Международный Красный Крест

*Источник: ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. 5. — Д. 62. — Л. 68.
Заверенная копия.*

Документ № 11. Запись беседы посла СССР в Турции С. А. Виноградова с уполномоченным МККК доктором М. Жюно, состоявшейся 23 июля 1941 года

Принял Марсель Жюно, который вручил мне письмо от Комитета Красного Креста, в котором сообщалось об обращении Комитета к нашему правительству и о принятии последним предложения об организации обмена сведениями относительно военнопленных, а также рекомендовался д-р Жюно, которому поручено организовать в Анкаре Бюро по обмену сведениями.

Я сказал, что очень рад познакомиться с ним, и добавил, что, со своей стороны, получил информацию от своего правительства о его согласии на обмен сведениями и указания установить контакт с уполномоченным Красного Креста.

Жюно сообщил мне затем, что Международным Комитетом получены также телеграфным путем сообщения германского, венгерского, Румынского, итальянского и словацкого правительств об их согласии на это мероприятие. Он передал мне копии телеграфной переписки между

Комитетом и нашим правительством и копии ответных телеграмм вышеуказанных правительств. Жюно сказал, что Советский Союз присоединился к конвенции о защите раненых, но не ратифицировал свое присоединение ко второй конвенции от 1929 г., задачей которой является защита военнопленных. Он передал мне тексты обеих конвенций, указав, что, по его мнению, в интересах Советского Союза ратифицировать свое присоединение и ко второй конвенции.

Дальнейшая беседа касалась преимущественно ряда практических вопросов, которые были выдвинуты Жюно и на которые он попросил дать ему ответ. Он поставил следующие вопросы:

1. Имеется ли в Москве официальное Бюро военнопленных и, если есть, то его адрес.

2. Какие возможности связи имеются в данный момент между Анкарой и Москвой, и какое количество времени потребует доставка материалов этим путем.

3. Каким образом намерено наше Бюро военнопленных оформлять передачу сведений о раненых и военнопленных. Немцы предполагают давать сведения о раненых и убитых списками по форме, которую Жюно передал мне, а о военнопленных — пересылать карточки, образцы которых он также вручил мне, добавив, что для солдат заполняется простая карточка, для офицеров — карточка с красной полосой.

4. Международный Комитет обратился к немцам с просьбой при представлении сведений о русских военнопленных писать их фамилии русскими буквами. Комитет просит советские организации в порядке взаимности представлять такие сведения с использованием латинского алфавита.

5. Комитет предлагает для облегчения работы по получению сведений от нас о немцах, венграх, словаках и др. установить для каждой из этих групп определенный цвет списков и карточек (напр., немцам — синий, венграм — желтый и т. д.).

6. Д-р Жюно указал также, что если советские организации захотят получить сведения более быстро о какой-либо группе лиц, то это можно будет осуществить через него, причем будет использован телеграф. Он сказал, что немцы и англичане, например, получают телеграфно очень быстро сведения о своих летчиках, попавших в плен. Телеграфные расходы оплачиваются правительством той страны, которая хочет получить быстро сведения.

7. Жюно заявил также, что Красный Крест берет на себя и розыски пропавших без вести. Для этого ему необходимо знать фамилию, имя и название воинской части, к которой принадлежал пропавший.

8. Вся корреспонденция Красного Креста по вопросу о военнопленных освобождена от почтовых расходов. Каждый военнопленный имеет право на отправку двух открыток специального образца: одной — родным, другой — Международному Комитету в случае неполучения ответа от родных. Жюно указал, что было бы хорошо, если бы мы приняли эту систему, тогда можно было бы заставить осуществить ее и других.

Жюно сказал затем, что он предполагает в ближайшие дни открыть в Анкаре Бюро по обмену сведениями. По его мнению, было бы крайне важно получить от нас список имеющихся у нас военнопленных хотя бы на несколько сотен человек, чтобы уже начать это дело. Немцы уже начали представлять подобные сведения в Международный Комитет в Женеву. Сведения из Германии, Венгрии и др. стран будут поступать в Женеву, затем фотокопии их будут направляться через Софию в Анкару и передаваться нашему Посольству. С нашей стороны сведения будут поступать сначала в Анкару, откуда будут передаваться в Женеву.

Вернувшись снова к вопросу о конвенции 1929 г. о защите военнопленных, Жюно указал, что ратификация ее дала бы возможность нашей стране воспользоваться услугами Красного Креста в посещении лагерей наших военнопленных в других странах и добиваться улучшения их положения. Он добавил, что в таком случае необходимо будет, чтобы СССР разрешил уполномоченным Красного Креста посещать и лагеря военнопленных, имеющиеся у нас. Он порекомендовал мне познакомиться с конвенцией о защите военнопленных, отметив, что там есть весьма важные моменты.

Далее Жюно рассказал об организации Международного Комитета Красного Креста. Он в связи с этим подчеркнул, что Красный Крест существует на добровольные взносы. Основные средства на его содержание поступают от швейцарского правительства. Сейчас, во время войны, оказывают некоторую денежную помощь правительства Англии и Германии. (Можно было ясно понять это как намек на то, что Международный Комитет Красного Креста рассчитывает также и на некоторую денежную помощь от советского правительства.)

Жюно заявил затем, что если бы потребовалась в интересах дела и в целях лучшей организации обмена сведениями его поездка в Москву, то он с удовольствием осуществил бы это; он добавил, что находится полностью в моем распоряжении, если мне понадобится уточнение каких-либо вопросов.

Я поблагодарил его и заявил в свою очередь, что с удовольствием сделаю все, что в моих силах, для содействия в осуществлении благородных и гуманитарных задач Красного Креста.

Посол СССР в Турции С. Виноградов

Источник: АВП РФ. — Ф. 0132. — Оп. 24а. — П. 236. — Д. 7. — Л. 356—359. Подлинник.

Документ № 12. Служебная записка посла СССР в Турции С. А. Виноградова, направленная 6 сентября 1941 г. заведующему Средневосточным отделом НКВД С. И. Кавтарадзе

Препровождаю при этом два письма¹ здешнего представителя Красного Креста доктора Жюно, адресованные им Зам. Председателя Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца тов. Морозову.

Прошу также выяснить в нашем Центральном Бюро военнопленных, чем объясняется тот факт, что оно до сих пор не дает никакого ответа на запросы Жюно относительно присылки списков находящихся у нас германских военнопленных. Как Вам известно, немцы уже дали первый список наших красноармейцев, захваченных ими в плен. Дальнейшие списки будут даны лишь после того, как Красный Крест получит такие же данные от нас.

Приложение: упомянутое.

Посол СССР в Турции Виноградов

Источник: АВП РФ. — Ф. 132. — Оп. 26. — П. 87. — Д. 31. — Л. 2. Заверенная копия.

Документ № 13. Запись беседы посла СССР в Турции С. А. Виноградова с членом МККК Э. де Аллером, состоявшейся 19 сентября 1941 года

Принял де Аллера, бывшего проездом в Стамбуле, по его просьбе. Де Аллер заявил, что он совершает поездку с инспекционной целью и после Турции направится в Каир, который в нынешних условиях является наиболее крупным пунктом работы Красного Креста. Де Аллер выразил надежду, что в результате установления личного контакта со мной он хочет продвинуть разрешение ряда практических вопросов работы Красного Креста в том, что касается нашей страны.

¹Не публикуются

Я указал, что с удовольствием окажу содействие в продвижении этих вопросов, как это и делал уже в отношении представителя Красного Креста в Анкаре д-ра Жюно.

Де Аллер поблагодарил меня, добавив, что из докладов Жюно Международный Комитет уже мог констатировать, что последний встретил со стороны нашего посольства в Турции самое благожелательное отношение и необходимую помощь в практической работе.

Де Аллер сказал затем, что он вместе с другим членом Международного Комитета Буркхардтом имел возможность посетить в Германии один лагерь наших военнопленных. Он заметил, что, если я имею желание, он может рассказать о своем впечатлении от этого посещения.

Я сказал, что буду очень рад услышать об этом, и добавил, что мне было бы весьма желательно получить письменный доклад об этом посещении, как это было уже обещано д-ром Жюно.

Де Аллер заявил, что он передаст нам копию этого доклада. Он сообщил затем следующее: "Мы вместе с г-ном Буркхардтом посетили в середине августа лагерь русских военнопленных в 10 тыс. человек. Этот лагерь расположен в сухой песчаной местности. Его сооружения имеют пока временный характер. В тот момент, когда мы были в лагере, там строили вместо временных бараков более крепкие постройки из кирпича. Часть находящаяся в этом лагере военнопленных занята на этих постройках и других работах, связанных с улучшением лагеря (проведение водопровода и т. д.). Другая часть военнопленных используется сейчас на полевых работах в окружающих деревнях. По моему мнению, положение последней группы военнопленных лучше, т. к. они не подчинены строгому лагерному режиму. Мы имели возможность посетить кухню, в которой готовится пища для военнопленных, и констатировали, что она имеет самое современное оборудование. Пища военнопленных, которую стараются приспособить к их вкусу, нам показалась довольно хорошей. Я должен Вам сказать, что, конечно, наше посещение лагеря не носило того характера, который имеет посещение таких лагерей нашими постоянными делегатами, осматривающими лагери самым тщательным образом. Однако, повторяю, у нас осталось неплохое впечатление от тех условий, в которых находятся Ваши военнопленные".

Я попросил описать мне, каков режим у военнопленных в этом лагере.

Де Аллер не сказал мне ничего конкретного, сославшись на то, что их посещение было слишком кратковременным и что они не имели возможности познакомиться со всеми вопросами. Он лишь указал, что как

начальник лагеря, так и его подчиненные, наблюдающие за военнопленными, произвели на него хорошее впечатление и имеют довольно добродушный вид. Начальник лагеря, например, относится к военнопленным, как отец.

Я выразил сомнение относительно того, что фашистское лагерное начальство может добродушно относиться к военнопленным. Имеющиеся у нас многочисленные примеры того обращения, которому они подвергают население в оккупированных ими районах, показывают, что фашисты потеряли все элементы не только добродушия, но и человечности.

Де Аллер заметил на это, что все же солдаты, находящиеся в тылу и имеющие, как правило, более пожилой возраст, обычно отличаются от солдат, находящихся в действующей армии.

Коснувшись затем снова положения наших военнопленных, он заметил, что одежда большинства из находящихся в этом лагере имеет весьма изношенный вид и что многие одеты в гражданское платье.

Я указал, что меня удивляет этот факт, т. к. наши красноармейцы одеты в военную форму и не имеют с собой гражданского платья. Я добавил, что этот момент является весьма важным, т. к. нам известно, что немцы при оккупации того или другого района нашей страны забирали в плен все гражданское население, оставшееся там. Возможно, что и в данном лагере находится главным образом гражданское население, насильно уведенное немцами и выдаваемое ими за военнопленных.

Де Аллер сказал, что ему трудно судить об этом, что он лишь может констатировать, что многие были одеты не в военную форму. Де Аллер показал затем мне ряд фотографий, снятых его спутниками во время посещения указанного лагеря военнопленных. Я обратил внимание де Аллера при рассмотрении этих фотоснимков на то, что целый ряд лиц, выдаваемых там за наших военнопленных, явно не принадлежит к составу действующей Красной Армии. Я сказал затем де Аллеру, что был бы очень рад иметь возможность еще раз встретиться с ним для того, чтобы услышать более подробное описание всего виденного им в данном лагере.

Де Аллер заявил, что он с удовольствием посетит еще раз меня, если задержится на несколько дней в Анкаре.

Посол СССР в Турции С. Виноградов

Источник: АВП РФ. — Ф. 0132. — Оп. 24а. — П. 236. — Д. 8. — Л. 400—402. Подлинник.

Документ № 14. Служебная записка посла СССР в Турции С. А. Виноградова, направленная 28 сентября 1941 г. заведующему Средневосточным отделом НКВД С. И. Кавтарадзе

Направляю Вам полученный мною от члена Международного Комитета Красного Креста де Аллера краткий доклад о его посещении лагеря наших военнопленных в Германии и фотоснимки этого лагеря.

Считаю необходимым напомнить еще раз в этой связи, что наше Бюро по делам военнопленных до сих пор не присылает ни списков немецких и других военнопленных, ни ответов на остальные запросы здешнего представителя Красного Креста д-ра Жюно.

Полагаю, что нам следовало бы направить Международному Комитету первые списки военнопленных хотя бы на несколько сот человек и вообще включиться в практическую работу Красного Креста, так как иначе у работников Международного Красного Креста создается впечатление, что мы не желаем работать в этой области.

- Приложения:*
1. Доклад де Аллера о посещении лагеря русских военнопленных.
 2. Фотоснимки лагеря.

Посол СССР в Турции Виноградов

Источник: АВП РФ. — Ф. 132. — Оп. 26. — П. 87. — Д. 31. — Л. 3. Заверенная копия.

Документ № 15. Проект телеграммы в адрес МККК по поводу нарушения Германией законов и обычаев войны, подготовленный в конце сентября 1941 года в исполкоме СОКК и КП СССР

Исполнительный Комитет Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в телеграмме от 7-го июля 1941 года уже заявлял протест против грубого нарушения немецкими войсками Женевских конвенций по линии Красного Креста¹. Ответа по существу указанного протеста нами до сих пор не получено.

Бесчисленное количество новых фактов свидетельствует о том, что нарушения Женевских конвенций, выражающиеся в бомбардировке санитарных учреждений и формирований, в насилиях и пытках, применяемых немецкими войсками к пленным красноармейцам и беззащитному

¹См. документ № 9.

гражданскому населению, отнюдь не случайные явления со стороны отдельных воинских частей, а характеризуют общие приемы немецкой армии. Поэтому нет никакой возможности перечислить все засвидетельствованные факты этих нарушений. Приводим ниже наиболее типичные из них.

19-го августа группа немецких самолетов напала на госпитальное судно «Сибирь», перевозившее из Таллина в Ленинград раненых красноармейцев и эвакуируемых из города женщин и детей. Несмотря на отчетливую видимость знака Красного Креста, немецкие летчики забросали плавучий госпиталь фугасными и зажигательными бомбами. Госпитальное судно «Сибирь» было разрушено. Раненые красноармейцы, женщины и дети пытались спастись на шлюпках. Тогда немецкие самолеты перешли на бреющий полет и расстреливали спасавшихся из пулеметов.

На станции Оленино немецкие летчики с небольшой высоты разбомбили два эшелона открытых платформ, на которых находились раненые красноармейцы, женщины и дети. Летчики ясно видели, кто находился на платформах. Женщины и дети пытались скрыться во ржи, но немецкие летчики с бреющего полета расстреливали их из пулеметов.

В нескольких километрах от колхоза «Свободный труд» немецкие войска захватили полевой лазарет, в котором находились 23 тяжело раненных красноармейца. Немецкий офицер стал допрашивать красноармейцев о расположении и огневой мощи советской армии. Не получив ответа от раненых бойцов, немецкие штурмовики пытали два часа раненых и затем повесили их на телеграфных столбах.

В городе Поставы немецкие легкие бомбардировщики расстреляли из пулемета санитаров, выносивших на носилках раненых красноармейцев, несмотря на ясную видимость опознавательных знаков Красного Креста на санитарах.

При наступлении германское командование под угрозой пыток и расстрела посылает впереди своих частей пленных красноармейцев, а также женщин и детей. Этим же методом пользуются немцы для прикрытия своих войск, когда советские части идут в атаку. Это имело место в Ленинградской области — в районе совхоза «Выборы», в Смоленской области — в районе Ельни, в Гомельской области — в районе Добруша, при переправе через реку Ипать, в Полтавской области — близ г. Кременчуга и ряде других мест.

Исполнительный Комитет Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР вынужден повторно заявить решительный протест

против грубого нарушения немецкими войсками Женевских соглашений по линии Красного Креста.

Председатель Исполкома Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР Колесников

Источник: ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. 5. — Д. 62. — Л. 105. Заверенная копия.

Документ № 16. Служебная записка председателя исполкома СОККиКП СССР С. А. Колесникова, направленная 3 октября 1941 г. заместителю наркома иностранных дел А. Я. Вышинскому

Исполком Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР при сем препровождает Вам на согласование проект письма в адрес г-на Марселя Жюно, делегата Международного Красного Креста в Турции, а также первый список военнопленных неприятельских армий, составленный нами на основании материала, полученного из НКВД СССР.

Приложение: проект письма и список военнопленных на 300 человек¹.

* * *

Исполнительный Комитет Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР сообщает, что первый список военнопленных Красной Армии на 297 человек нами получен.

Обращает на себя внимание тот факт, что списки составлены не по форме, предложенной Международным Комитетом Красного Креста в телеграмме от 24-го июня с. г. В списках отсутствуют имена и отчества военнопленных, нет матрикулярного номера, воинского звания, места рождения, нет данных о состоянии здоровья военнопленного. Отсутствие этих данных затрудняет работу организованного при Исполкоме Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР справочного бюро.

Просим запросить дополнительные сведения от германских властей и в дальнейшем представлять списки в соответствии с формой, предложенной МККК.

Одновременно направляем Вам первый список на 300 солдат германской армии, находящихся в СССР в лагере военнопленных № 99.

¹Список не публикуется.

Список составлен нами в соответствии с формой, представленной МККК.

С совершенным почтением
Председатель Исполкома СОКК и КП Колесников

*Источник: ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. 5. —
Д. 62. — Л. 109—110. Заверенная копия.*

Документ № 17. Инструкция заместителя наркома иностранных дел В. Г. Деканозова и приложение к ней, направленные 4 ноября 1941 г. послу СССР в Турции С. А. Виноградову

Член Международного Комитета Красного Креста де Аллер в беседе с Вами 24.IX-41 г. заявил, что, “в соответствии с существующими международными правилами, гражданские лица, застигнутые с оружием в руках, вообще не имеют права пользоваться режимом военнопленных, а подлежат расстрелу на месте”.

Вам следует категорически возражать против такого рода совершенно неправильных утверждений.

В действительности глава 1 приложения к известной конвенции 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны предусматривает следующее:

**“ПРИЛОЖЕНИЕ К КОНВЕНЦИИ
“ПОЛОЖЕНИЯ О ЗАКОНАХ И ОБЫЧАЯХ
СУХОПУТНОЙ ВОЙНЫ”**

**ОТДЕЛ 1
О ВОЮЮЩИХ**

**Глава I
О том, кто признается воюющим**

Статья I

Военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам, если они удовлетворяют всем нижеследующим условиям:

- 1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных;
- 2) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак;
- 3) открыто носят оружие и

4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны.

Ополчение или добровольческие отряды в тех странах, где они составляют армию или входят в ее состав, понимаются под наименованием армии.

Статья II

Население незанятой территории, которое при приближении неприятеля добровольно возьмется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками и которое не имело времени устроиться согласно статье I, будет признаваться в качестве воюющего, если будет открыто носить оружие и будет соблюдать законы и обычаи войны.

Статья III

Вооруженные силы воюющих сторон могут состоять из сражающихся и несражающихся. В случае захвата неприятелем как те, так и другие пользуются правами военнопленных”.

Таким образом, утверждение де Аллера о том, что гражданские лица, застигнутые с оружием в руках, подлежат расстрелу на месте, ложно и не только не находится “в соответствии с существующими международными правилами”, но и прямо противоречит им».

Об изложенном доводится до Вашего сведения и ориентировки. Это однако не означает, что Вы должны вступать в дискуссию или практические переговоры с де Аллером по вопросу о военнопленных, поскольку не будут даны специальные указания НКВД.

Заместитель Народного Комиссара
Иностранных Дел В. Деканозов

*Источник: АВП РФ. — Ф. 0132. — Оп. 24а. —
П. 239. — Д. 47. — Л. 1-2. Заверенная копия.*

Документ № 18. Из воспоминаний делегата МККК Марселя Жюно о посещении им в декабре 1941 г. лагеря советских военнопленных

Слева от входа в лагерь мимо дощатой будки медленно двигалась вереница пленных. Будка оказалась на поверку лагерьной кухней: около нее стояли два дымящихся котла. Каждый военнопленный подставлял свою «посуду» — миску, старую консервную банку, выщербленную металлическую тарелку. Дежурный по кухне машинально опрокидывал половник,

время от времени проливая баланду мимо миски. Лишившийся своего обеда пленный делал робкие попытки получить то, что ему причиталось, но тщетно — дежурный лишь грубо махал рукой:

— Следующий. Следующий.

Я подошел поближе и заглянул в один из котлов: лагерная баланда представляла из себя прозрачную жидкость, в которой плавало несколько морковок, картофелин и изредка попадались кусочки жилистого мяса.

Некоторые военнопленные были так голодны, что подносили миски ко рту и проглатывали их содержимое, даже не успев добрести до барачков. Горячая баланда обжигала губы, но так и не утоляла голод. Башмаки пленников были им велики, из-за чего эти люди постоянно спотыкались и падали в грязь. Некоторые из них с помощью товарищей поднимались на ноги и шли дальше, а некоторые так и оставались лежать на земле.

Расчищая дорогу перед нами, немецкий фельдфебель со всего размаху лупил хлыстом по сгорбленным спинам военнопленных. Сердце мое отчаянно забило, но я не хотел обнаруживать перед немцами свои чувства. Усилив воли мне удалось сохранить бесстрастное выражение лица.

Эти люди, превращенные в рабов, украдкой смотрели на меня, а затем быстро отводили глаза. Я старался понять, что же переживают они сейчас, с такой покорностью, даже безразличием вынося удары хлыста. Что происходило в душах этих людей с Востока? Что они испытывали: негодование или безысходность? Я чувствовал, что силы несчастных были на исходе. Скорее всего, их одолевало одно-единственное желание: лечь и спать, спать, спать.

Источник: Жюно М. Воин без оружия /Пер. с французского. — М.: МККК, 1996. — С. 230—231.

Документ № 19. Служебная записка заведующего 3-м Европейским отделом НКВД В. С. Семенова, направленная 4 декабря 1941 г. заместителю наркома иностранных дел С. А. Лозовскому

Нами получены через болгар запросы венгерского, германского и румынского правительств относительно судьбы некоторых граждан этих государств, в том числе военнопленных. В свое время было указание тов. В. М. Молотова не отвечать немцам на их запросы. Это тем более относится к запросам персонального характера, так как в данном случае получение сведений может представлять интерес для разведки противника.

Однако встает вопрос, следует ли нам запрашивать НКВД о соответствующих лицах в порядке внутренней информации, как это делалось прежде. В разговоре со мной зам. начальника 2-ым Управлением тов. Райхман 4 декабря с. г. высказал мнение о нецелесообразности такой переписки, так как она практически в настоящее время беспредельна и может только загрузить НКВД излишней работой. Я вполне присоединяюсь к этому мнению, тем более что в свое время аналогичную точку зрения высказывал в личной беседе со мной тов. В. Г. Деканозов.

Мои предложения:

1) Запросы о судьбе отдельных лиц из упомянутых выше стран, кроме особо важных случаев, оставлять без внимания и ответа и подшивать к делу.

2) В НКВД по этому поводу обращаться с запросом только в исключительных случаях, вроде дела Берлина Карла, когда имеется заинтересованность шведов, и т. п. Во всех остальных случаях ограничиваться только односторонней информацией НКВД о том, что немцы или их союзники интересовались такими-то людьми. Прошу Вашей санкции.

Источник: АВП РФ. — Ф. 082. — Оп. 24. — П. 106. — Д. 15. — Л. 6-7. Подлинник.

Документ № 20. Телеграмма МККК, направленная 28 февраля 1942 г. наркому иностранных дел В. М. Молотову

В связи с нашими телеграммами № 4757 и № 5767 сообщаем, что Канадский Красный Крест предлагает для русских военнопленных в Германии 500 тысяч облаток витаминов. Мы добились принципиального согласия германских властей на коллективные посылки для русских пленных. Британские власти требуют наблюдения наших делегатов за распределением. Мы могли бы добиться этих условий, если русское правительство согласилось бы на посылку делегатов Международного Красного Креста в СССР.

Международный Красный Крест. № 7 084.

Источник: АВП РФ. — Ф. 054. — Оп. 21. — П. 524. — Д. 66. — Л. 122. Подлинник.

Документ № 21. Телеграмма председателя МККК М. Губера, направленная 25 июля 1942 г. наркому иностранных дел В. М. Молотову

Финляндское правительство просит нас обратиться еще раз к Правительству СССР с тем, чтобы получить информацию о финских военнопленных, находящихся во власти советских сил. Списки, которые мы уже получили от финляндского правительства, могут быть немедленно обменены при нашем посредничестве, как только будут получены также списки финских военнопленных. Принцип взаимности, принятый согласно заявлениям советского и финляндского правительств в 1941 г., мог бы быть, таким образом, в действительности обеспечен в соответствии с Гаагской Конвенцией 1907 г. и Женевской Конвенцией 1929 г. о раненых и больных.

Ввиду того что все его различные предложения относительно посылки в Москву делегации для облегчения начала этой работы остались без ответа, Международный Комитет Красного Креста ограничивается сегодня предложением приступить к взаимной и одновременной посылке сведений о военнопленных и предоставляет себя в полное распоряжение в качестве посредника по обмену.

Международный Комитет Красного Креста одновременно с этой телеграммой направляет Вашему Превосходительству письмо, чтобы дать дополнительные сведения по всей совокупности вопроса.

Примечание. На документе имеется резолюция А. Я. Вышинского: "Тов. Павлов, прошу дать справку по аналогичным вопросам".

Источник: АВП РФ. — Ф. 054. — Оп. 22. — П. 530. — Д. 73. — Л. 23. Подлинник.

Документ № 22. Служебная записка заведующего правовым отделом НКВД А. П. Павлова, направленная 19 августа 1942 г. заместителю наркома иностранных дел С. А. Лозовскому

9 февраля 1942 г. Исполком Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР за подписью уполномоченного СОКК и КП Мяскова прислал через нас письмо Международному Комитету Красного Креста с приложением заявления 63 германских военнопленных и французского текста ноты т. Молотова¹. В настоящее время наше посольство в Турции препроводило нам ответ на упомянутое письмо. Подтверждая получение письма, МККК сообщает, что "про-

тивная сторона” представила документацию аналогичного характера и, хотя, как говорится в письме МККК, “только факты, непосредственно установленные на месте нашими собственными делегатами, могли придать такому посредничеству в глазах различных заинтересованных сторон характер беспристрастия и дать повод обратиться к ответственно-му правительству с законными рекомендациями”, МККК, “уступая официальной просьбе” СОКК и КП, имеет намерение переслать полученную документацию германскому Красному Кресту. К письму прилагается меморандум “Об отношениях Международного Комитета Красного Креста с Союзом Советских Социалистических Республик и Союзом Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца с 1939 г.” Меморандум излагает историю вопроса об обмене списками военнопленных между СССР и воюющими с СССР странами и старается подчеркнуть, что все предложения МККК оказать содействие и помощь советским военнопленным остались без ответа, как и просьба МККК относительно разрешения на въезд в СССР делегата МККК для посещения лагерей для военнопленных, захваченных в плен частями Красной Армии.

Правовой Отдел не считал бы целесообразным отвечать на это письмо МККК, так как он не видит оснований менять занятую нами в соответствии с указаниями В. М. Молотова позицию в отношении посредничества МККК в деле обмена списками военнопленных (“не отвечать”). По мнению Правового Отдела, нет необходимости также разрешать сейчас вопрос и о допуске на территорию СССР делегата МККК.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОТДЕЛА

Переслать письмо МККК от 26 июня 1942 г. в Исполком СОКК и КП СССР, рекомендуя ему на это письмо не отвечать.

Заведующий правовым отделом Павлов

Примечание. На документе имеется резолюция С. А. Лозовского: “Согласен”.

Источник: АВП РФ. — Ф. 054. — Оп. 21. — П. 523а. — Д. 57. — Л. 35. Подлинник.

¹Нота опубликована в печати 25.11.1941 г., заявление военнопленных — 05.02.1942 г.

Документ № 23. Служебная записка заведующего правовым отделом НКВД А. П. Павлова, направленная в январе 1943 г. заместителю наркома иностранных дел А. Я. Вышинскому

Международный Комитет Красного Креста в письме от 24 июля 1942 г. на имя Народного Комиссара Иностранных Дел т. Молотова, ссылаясь на свою телеграмму от того же числа, снова ставит вопрос об обмене при посредстве МККК сведениями о военнопленных между СССР и воюющими с СССР странами. К письму прилагается меморандум об отношениях Международного Комитета Красного Креста с Союзом Советских Социалистических Республик и с Союзом Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца с 1939 г.

Правовой Отдел имеет сообщить по этому вопросу следующее.

В связи с телеграммой МККК от 25 июля 1942 г. нами было принято решение, утвержденное тов. Молотовым, на телеграмму не отвечать. Упомянутый меморандум, посланный МККК также еще в июне с. г. в адрес Исполкома СОКК и КП СССР, был нами послан 21 августа 1942 г. Председателю Исполкома СОКК и КП СССР т. Колесникову с указанием на непроводительное к нему письмо не отвечать.

Правовой Отдел полагает, что в настоящее время нет оснований пересматривать принятое решение.

Предложение Отдела:

На письмо Губера не отвечать.

Зав. правовым отделом А. Павлов

Источник: АВП РФ. — Ф. 054. — Оп. 22. — П. 530. — Д. 73. — Л. 30. Подлинник.

Документ № 24. Телеграфный ответ на запрос МККК, санкционированный 20 февраля 1943 г. заместителем начальника УПВИ НКВД СССР А. З. Кобуловым.

Паулюс жив, здоров, чувствует себя прекрасно. Почтовый адрес лагеря — Союз Советских Социалистических Республик, лагерь военнопленных № 27.

Источник: ЦХИДК. — Ф. 1/п. — Оп. 9а. — Д. 14. — Л. 2-3.

Документ № 25. Из служебной записки, направленной 9 марта 1944 года заведующим правовым отделом НКВД А. П. Павловым комиссару УПВИ НКВД Н. Д. Мельникову

На протяжении более чем двух лет мы систематически отказываем разного рода представителям Международного Красного Креста в передаче и сообщении сведений, касающихся военнопленных вражеских армий. При этом мы ссылались на то, что в отношении наших военнопленных гитлеровские власти и их пособники ведут политику массового истребления, не считаясь с какими нормами международного права.

В порядке исключения можно было бы, в частности, передавать некоторые письма, в которых отражены трудности гитлеровского тыла, результаты бомбежек, перебои в снабжении продовольствием. Причем передавать эти письма отдельным, хорошо зарекомендовавшим себя в лагере, антифашистски настроенным лицам.

Источник: ЦХИДК. — Ф. 1/п. — Оп. 9а. — Д. 10. — Л. 53. Заверенная копия.

Документ № 26. Запись беседы первого секретаря посольства СССР в Турции с уполномоченным МККК Р. Курвуазье, состоявшейся 10 марта 1943 года

Принял Курвуазье по его просьбе. Курвуазье сообщил мне, что МККК получил сведения, что в лагерях военнопленных в Германии отмечены многочисленные случаи заболевания сыпным тифом. МККК, заботясь о здоровье санитарного персонала, попавшего в плен, ассигновал 320 швейц. франков для приобретения противотифозной вакцины для производства прививок советскому санитарному персоналу, поскольку для обслуживания советских военнопленных не выделяется никаких фондов. Курвуазье уполномочен МККК запросить через посредство нашего Посольства Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца о возможности возместить МККК уже произведенный расход, а равно и его согласие на выделение Международным Комитетом Красного Креста новых средств для производства прививок остальной части русского санперсонала, после того как МККК получит сведения из Германии о его численности.

Вторым вопросом, с которым обратился ко мне Курвуазье, был следующий. МККК получил сведения, что в одной из московских радиопередач якобы упоминалось о том, что немцы использовали под Сталинградом на строительстве укреплений 1500 евреев. Благодаря наступле-

нию Красной Армии эти евреи были освобождены из плена. МККК поручил Курвуазье узнать, не имеется ли возможности установить гражданство той группы евреев и их происхождение, являются ли они советскими, польскими или другими евреями.

Кроме того, Курвуазье поставил передо мной еще один вопрос. Румынский Красный Крест приготовил списки 40000 советских военнопленных, находящихся в Румынии. Эти списки будут в скором времени присланы в Анкару. Румыны хотели бы обменять эти списки на списки равного количества румынских военнопленных, находящихся в СССР. Курвуазье попросил, не можем ли мы узнать мнение Советского Бюро по делам военнопленных о такой возможности.

Я ответил, что доведу до сведения Посла вопросы, поставленные Курвуазье.

1-й секретарь Посольства С. Михайлов

Источник: АВП РФ. — Ф. 0132. — Оп. 26. — П. 264. — Д. 77. — Л. 4. Заверенная копия.

Документ № 27. Личное и секретное послание премьера И. В. Сталина премьер-министру г-ну У. Черчиллю от 21 апреля 1943 г.

Поведение Польского Правительства в отношении СССР в последнее время Советское Правительство считает совершенно ненормальным, нарушающим все правила и нормы во взаимоотношениях двух союзных государств.

Враждебная Советскому Союзу клеветническая кампания, начатая немецкими фашистами по поводу ими же убитых польских офицеров в районе Смоленска, на оккупированной германскими войсками территории, была сразу же подхвачена правительством г. Сикорского¹ и всячески разжигается польской официальной печатью. Правительство г. Сикорского не только не дало отпора подлой фашистской клевете на СССР, но даже не сочло нужным обратиться к Советскому Правительству с какими-либо вопросами или за разъяснениями по этому поводу.

¹ Речь идет о польском эмигрантском правительстве в Лондоне, главой которого в 1939-43 гг. был В. Сикорский.

Гитлеровские власти, совершив чудовищное преступление над польскими офицерами, разыгрывают следственную комедию, в инсценировке которой они использовали некоторые подобранные ими же самими польские профашистские элементы из оккупированной Польши, где все находится под пятой Гитлера и где честный поляк не может открыто сказать своего слова.

Для «расследования» привлечен как правительством г. Сикорского, так и гитлеровским правительством Международный Красный Крест, который вынужден в обстановке террористического режима с его виселицами и массовым истреблением мирного населения принять участие в этой следственной комедии, режиссером которой является Гитлер. Понятно, что такое «расследование», осуществляемое к тому же за спиной Советского Правительства, не может вызвать доверия у сколько-нибудь честных людей.

То обстоятельство, что враждебная кампания против Советского Союза начата одновременно в немецкой и польской печати и ведется в одном и том же плане, — это обстоятельство не оставляет сомнения в том, что между врагом союзников — Гитлером и правительством г. Сикорского имеется контакт и сговор в проведении этой враждебной кампании.

В то время как народы Советского Союза, обливаясь кровью в тяжелой борьбе с гитлеровской Германией, напрягают все свои силы для разгрома общего врага свободолюбивых демократических стран, правительство г. Сикорского в угоду тирании Гитлера наносит вероломный удар Советскому Союзу.

Все эти обстоятельства вынуждают Советское Правительство признать, что нынешнее правительство Польши, скатившись на путь сговора с гитлеровским правительством, прекратило на деле союзные отношения с СССР и стало на позицию враждебных отношений к Советскому Союзу.

На основании всего этого Советское Правительство пришло к выводу о необходимости прервать отношения с этим правительством.

Я считаю нужным информировать Вас об изложенном и надеюсь, что Британское Правительство поймет необходимость этого вынужденного шага Советского Правительства.

Источник: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-Министрами Великобритании 1941—1945 гг. — Т. 1. — М., 1957. — С. 119—120.

Документ № 28. Личное и секретное послание от премьер-министра г-на Уинстона Черчилля маршалу И. В. Сталину от 24 апреля 1943 года

1. Посол Майский вчера вечером вручил мне Ваше послание. Мы, конечно, будем энергично противиться какому-либо «расследованию» Международным Красным Крестом или каким-либо другим органом на любой территории, находящейся под властью немцев. Подобное расследование было бы обманом, а его выводы были бы получены путем запугивания. Г-н Иден¹ сегодня встречается с Сикорским и будет с возможно большей настойчивостью просить его отказаться от всякой моральной поддержки какого-либо расследования под покровительством нацистов. Мы также никогда не одобрили бы каких-либо переговоров с немцами или какого-либо рода контакта с ними, и мы будем настаивать на этом перед нашими польскими союзниками.

2. Я протелеграфирую Вас о том, как Сикорский реагировал на вышеизложенные соображения. Его положение весьма трудное. Будучи далеким от прогерманских настроений или от сговора с немцами, он находится под угрозой свержения его поляками, которые считают, что он недостаточно защищал свой народ от Советов. Если он уйдет, мы получим кого-либо похуже. Поэтому я надеюсь, что Ваше решение «превратить» отношения следует понимать скорее в смысле последнего предупреждения, нежели в смысле разрыва, а также, что оно не будет предано гласности, во всяком случае до тех пор, пока не будут испробованы все другие планы. Публичное же сообщение о разрыве принесло бы величайший возможный вред в Соединенных Штатах, где поляки многочисленны и влиятельны.

3. Вчера я составил проект телеграммы на Ваше имя с просьбой рассмотреть вопрос о разрешении выехать в Иран дополнительному количеству поляков и их иждивенцев. Это ослабило бы растущее недовольство в польской армии, сформированной там, и дало бы мне возможность повлиять на Польское Правительство в том направлении, чтобы оно действовало в соответствии с нашими общими интересами и против общего врага. Я отложил посылку этой телеграммы вследствие получения Вашей телеграммы, в надежде, что положение может проясниться.

Источник: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-Министрами Великобритании 1941—1945 гг. — Т. 1. — М., 1957. — С. 120—121.

¹Иден Антони — министр иностранных дел Великобритании в 1940-1943 гг.

Документ № 29. Служебная записка председателя Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР С. А. Колесникова, направленная наркому иностранных дел В. М. Молотову 5 мая 1943 года

24-го июня 1941 года Наркоминделом была получена телеграмма от Международного Комитета Красного Креста с предложением своего посредничества для обмена списками военнопленных между воюющими странами. На это предложение Наркоминдел ответил согласием.

1-го июля 1941 года Совет Народных Комиссаров СССР вынес постановление, по которому на Исполком Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца возлагается обязанность получения и дачи справок Международному Комитету Красного Креста по вопросу о военнопленных. Для практического осуществления указанной выше функции Исполкомом СОКК и КП было организовано Центральное Справочное Бюро о военнопленных.

В начале сентября 1941 года к нам поступил список на 297 человек советских военнослужащих, находившихся к тому времени в германских лагерях. Мы в свою очередь составили список на 300 человек германских военнопленных, полученный нами от Управления Лагерьей НКВД. Этот ответный список был Наркоминделом задержан и в Анкару не отправлен. В дальнейшем мы получали ряд запросов от Международного Комитета в отношении пропавших без вести на советско-германском фронте офицеров и солдат неприятельских армий. Таких запросов-анкет в Исполкоме скопилось в данное время до 20000. Согласно указаниям Наркоминдела мы ни на один запрос, как единичный, так и групповой, ни Международному Комитету Красного Креста в Женеве, ни его филиалу в Анкаре не отвечали.

21-го августа 1942 года мы получили от Председателя Международного Комитета Красного Креста г-на Губера обширный меморандум, в котором в хронологическом порядке перечислены все мероприятия Комитета по нормализации отношений Международного Комитета с Советским Красным Крестом по вопросу о военнопленных. Этот меморандум по указанию НКВД мы также оставили без ответа.

Начиная с 19-го февраля 1943 года к нам начали поступать отдельные телеграфные запросы в отношении высших чинов неприятельских армий со стороны Американского Красного Креста, Британского Красного Креста и Международного Комитета. Таким образом мы получили запросы относительно генералов Паулюса, Братеску, Даниэль-

са, Энрико Паччи, а в последующем — нескольких десятков офицеров и солдат. Можно сделать предположение, что Международный Комитет, убедившись в бесплодности своих попыток получать от нас ответы, начал действовать в отношении пока еще отдельных лиц через организации Красного Креста союзных с нами стран. На эти телеграммы мы по согласованию с НКВД и НКВД в отношении высшего офицерского состава начали давать ответы.

18-го апреля 1943 года НКВД переслал нам письмо председателя Шведского Общества Красного Креста Карла, принца Швеции, в котором он выступает как бы арбитром между нами и Международным Комитетом Красного Креста по вопросу обмена списками военнопленных с правительствами воюющих с нами стран.

23-го апреля с. г. Представитель Американского Красного Креста в СССР г-н Хоббелл обратился к нам по поручению организации из Вашингтона с просьбой давать им сведения о военнопленных итальянцах, причем они, по заявлению г-на Хоббелла, имеют в виду минимальное количество запросов.

Таким образом, приходится сделать вывод, что Международный Комитет Красного Креста пытается теперь действовать через Общества Красного Креста союзных с нами стран в отношении отдельных военнопленных, а Шведское Общество Красного Креста ставит вопрос об обмене списками военнопленных во всей его полноте. Надо также предполагать, что наше молчание на запросы Международного Комитета Красного Креста в течение всего истекшего времени с начала отечественной войны используется для антисоветской пропаганды. С другой стороны, Исполком Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца находится сейчас в ложном положении по отношению к Международному Комитету и Обществам Красного Креста союзных и нейтральных стран.

Прошу Ваших указаний.

Приложение: Меморандум Губера и письмо Председателя шведского Общества Красного Креста.

Председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР С. Колесников

Источник: АВП РФ. — Ф. 054. — Оп. 22. — П. 530. — Д. 73. — Л. 37—38. Подлинник.

Документ № 30. Служебная записка заведующего правовым отделом НКВД А. П. Павлова, направленная 18 мая 1943 г. заместителю наркома иностранных дел А. Я. Вышинскому

Делегация Международного Комитета Красного Креста в Анкаре передала нашему Посольству в Турции следующие материалы:

1. Письма из Одессы от советских граждан, адресованные их родственникам в различные местности СССР. Среди них имеются также письмо гр. Бауман, адресованное Начальнику Военно-Медицинской Академии г. Куйбышева, с запросом относительно сына Бауман и письмо гр. Васильевой, адресованное Начальнику Мурманского Морского Пароходства, с запросом относительно отца Васильевых. Кроме того, имеются два письма из Одессы, адресованные — одно в Иран, другое — в Албанию.

2. Письма наших военнопленных в Румынии, адресованные их родственникам.

Правовой Отдел полагает, что письма из Одессы следует переслать в НКВД СССР для сведения. Письма же советских военнопленных, как мы это делали в прошлом, — Центральному Справочному Бюро о военнопленных при Исполкоме СОКК и КП СССР для учета и хранения.

Проекты писем НКВД СССР и Центральному Справочному Бюро прилагаются.

Зав. правовым отделением А. Павлов

Примечание. На документе имеется резолюция А. Я. Вышинского: “Согласен”.

Источник: АВП РФ. — Ф. 054. — Оп. 22. — П. 530. — Д. 73. — Л. 18. Подлинник.

Документ № 31. Инструкция заместителя наркома иностранных дел СССР, направленная в августе 1943 г. поверенному в делах СССР в Иране М. А. Максимову

По поручению Деканозова

сообщаю, что письма военнопленных для передачи нашей краснокрестной организации и в дальнейшем от Верлина¹ можно принимать.

На предложение же об установлении делового контакта с СОКК и КП СССР и о приезде его в связи с этим в Москву надлежит отвечать,

¹Речь идет о Вольдемаре Верлине — делегате МККК в Тегеране.

что все материалы по этому вопросу переданы Вами в Москву, но никаких указаний из Москвы пока не получали.

Член коллегии НКВД А. Павлов

Источник: АВП РФ. — Ф. 054. — Оп. 22. —

Л. 530. — Д. 73. — Л. 44.

Документ № 32. Служебная записка комиссара УПВИ НКВД СССР Н. Д. Мельникова, направленная 30 января 1944 г. заведующему правовым отделом НКВД СССР А. П. Павлову

По сообщению Исполкома Красного Креста и Красного Полумесяца за № 254/с от 24.11.43 г., в Центральном Справочном Бюро о военнопленных Исполкома СОКК и КП имеются письма, полученные на имя военнопленных через Международный Комитет Красного Креста.

На наш запрос о передаче этих писем нам Исполком СОКК и КП своим письмом № 273/с от 8.12.43 г. сообщил, что у них имеется указание НКВД о хранении писем в Исполкоме СОКК и КП и что вопрос о передаче им необходимо согласовать с НКВД.

В силу изложенного прошу дать соответствующие указания Исполкому СОКК и КП о передаче указанных писем нам.

Заместитель начальника УПВИ

комиссар госбезопасности Н. Мельников

Источник: ЦХИДК. — Ф. 1/н. — Оп. 9а. —

Д. 10. — Л. 33. Заверенная копия.

Документ № 33. Статья¹ профессора А. Н. Трайнина по поводу обращения МККК в защиту осужденных военных преступников

Бесчеловечный гуманизм

Прошедшие в Харькове, Алжире и других местах процессы гитлеровских преступников и их пособников привлекли внимание всего мира. Откликнулся на эти процессы недавно и Интернациональный комитет Красного Креста. В обращении к правительствам воюющих стран Ин-

¹ Публикуется с незначительными сокращениями.

тернациональный комитет указал: «Исключительное значение интересов и моральных ценностей, оказавшихся в опасности, побуждает Комитет возвысить свой голос». Совершенно, конечно, естественно, что Красный Крест, организация, призванная по статусу и по долгу ограждать принципы гуманности, подымает голос для защиты общепризнанных правил ведения войны. Беда лишь в том, что голос этот прозвучал фальшиво и тускло.

Общеизвестно и документально установлено, что гитлеровские орды планомерно и организованно совершают тягчайшие преступления против законов и обычаев войны. Однако не этот вопрос в центре внимания комитета. По этому основному вопросу обращение комитета довольствуется следующим, лишенным элементарных признаков конкретности, меланхолическим заявлением.

«С другой стороны, — указывается в обращении, — Интернациональный комитет со все более серьезной и возрастающей озабоченностью констатирует постоянное ухудшение методов ведения войны, которые различными способами и все в больших размерах применяются к гражданскому населению и имуществу, не имеющему военного значения... Принципы международного права... все более отодвигаются на задний план».

В советской стране гитлеровцами убито более двух миллионов мирных граждан — детей, женщин, стариков. На языке Интернационального комитета это называется: «Принципы международного права все более отодвигаются на задний план». Кровь миллионов невинных жертв покрывается лаком успокоительной отполированной фразы. Ничего не случилось. Нет «душегубок», нет рвов, нет зон пустыни. Только тронулись в путь международные принципы... Однако не сами же они пришли в движение. Где же виновники, кто «отодвинул принципы международного плана на задний план»? Истерзанная Чехословакия, поработанная Бельгия или пойманная с поличным гитлеровская Германия? Этот вопрос обращение комитета оставляет без ответа. Лишь безграничное пренебрежение к фактам действительности и совести народов может питать иллюзию, что подобное молчание — акт высокой аполитичности и беспристрастия. На деле это — свидетельство пристрастия, пристрастия, потворствующего злодеяниям, бороться с которыми призван и Красный Крест.

[...] Совершенно бесспорно, что военнопленным международными конвенциями обеспечен особый режим. И Гагская конвенция 1907 г. и Женевская конвенция 1929 г. содержат ряд постановлений, определяющих положение военнопленных. Эти постановления в СССР соблюдаются должным образом. Несмотря на трудности, вызванные внезапным нападени-

ем и почти трехлетней войной, труд и быт военнопленных в СССР организованы в полном соответствии с требованиями человеколюбия, предписываемого международными конвенциями. Отсюда, однако, отнюдь не следует, что военнопленный, попавший в плен, становится обладателем абсолютного и беспредельного иммунитета, что дорога в плен — это путь к всепрощению. Военнопленный не может и не должен отвечать за причинение смерти, увечий, за разрушения, совершенные на поле брани в условиях военных действий. Но двуногий, бросающий в огонь детей, — не военнопленный; пойманный, он поэтому не становится военнопленным: он был и остается бандитом.

«Гуманизм», перспективой безнаказанности поощряющий подобные злодеяния, есть гуманизм наизнанку, гуманизм, нашедший человека в убийце и не заметивший его в жертве. Это — бесчеловечный гуманизм.

Более 80 лет существуют и действуют организации Красного Креста. В их историю вписаны золотые страницы дел и подвигов подлинного гуманизма. Ряженое в гуманизм обращение Интернационального комитета о безнаказанности разбойников, убийц, грабителей, насильников, оказавшихся военнопленными, ждет иная судьба, иное место: мусорный ящик истории.

Источник: Война и революция. — 1944. — № 9. — С. 16—18.

Документ № 34. Памятная записка об отношениях между МККК и СССР в годы Второй мировой войны, подготовленная швейцарской стороной¹

В период между двумя мировыми войнами, с 1919 по 1939 гг., Международный комитет Красного Креста (МККК) поддерживал тесные отношения с советскими органами власти и с Союзом обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. С 1919 по 1922 гг. они сотрудничали в операциях по репатриации более чем миллиона русских и австро-германских военнопленных и гражданских лиц. Размах этой работы потребовал учреждения в Москве уже в 1920 г. постоянного представительства МККК. Это представительство было закрыто по общему

¹Автор «Памятной записки» не указан. Документ, судя по всему, подготовлен в октябре 1945 года.

согласию лишь в 1939 г., когда обстоятельства, вызвавшие его учреждение, перестали существовать.

В 1921 г. Международный комитет признал Союз в качестве единственного национального общества Красного Креста СССР. До 1927 г. Союз регулярно вносил самые большие взносы в бюджет МККК. Взнос за 1942 г. поступил в Международный комитет в феврале 1944 г.

I. До начала русско-германской войны

С самого начала конфликта между СССР и Финляндией 1939 г. Международный комитет проинформировал одновременно обе эти страны, что он находится в их распоряжении, в частности, для обмена информацией относительно военнопленных. Представитель Комитета вел переговоры с советским послом в Париже 7 декабря 1939 г. и в марте 1940 г. с советским послом в Берлине, когда конфликт в Финляндии подходил к концу. Эти переговоры не принесли ощутимых результатов.

В апреле 1941 г. одна из служащих Международного комитета встретилась в Стокгольме с г-жой послом Советского Союза в Швеции, чтобы сообщить ей о желании Международного комитета направить своего представителя при Союзе в Москву. Этот демарш был подкреплён письмом, на которое так и не поступило никакого ответа со стороны советских властей.

II. Русско-германская война

23 июня 1941 г., после начала русско-германской войны, МККК телеграфировал в Народный комиссариат иностранных дел в Москве о предложении своих услуг, как он это сделал после начала Второй мировой войны в адрес всех воюющих держав, с тем чтобы способствовать передаче информации о раненых и пленных. 27 июня народный комиссар иностранных дел г-н Молотов ответил МККК, что на основе взаимности советское правительство принимает предложение Международного комитета.

В июне и июле противники СССР (Финляндия, Румыния, Германия, Венгрия и Италия) последовательно дали свое принципиальное согласие на обмен информацией о военнопленных.

6 июля г-н Молотов по телеграфу дал согласие на предложение МККК, содержащее просьбу разрешить одному из его представителей установить связи с советским посольством в Турции в целях организации в Анкаре промежуточного пункта для передачи корреспонденции между Центральным агентством по делам военнопленных в Женеве и

Советским бюро информации о военнопленных, которое, как следует из сообщения Союза, было учреждено в Москве при Исполнительном комитете Союза. Некоторое время спустя Международный комитет передал в посольство СССР в Анкаре список 300 советских военнопленных, находящихся в Германии. Союз подтвердил получение этого списка специальным уведомлением, что позволяло предположить, что советские власти в свою очередь пришлют списки военнопленных, захваченных Советской Армией, ибо было условлено, что эти списки будут составляться латинским шрифтом.

С другой стороны, в ноябре и декабре 1941 г. Международный комитет направил в Союз списки нескольких тысяч военнопленных, захваченных румынской армией. И на эти списки было получено уведомление в получении. Кроме того, в начале конфликта Международный комитет получил несколько списков советских пленных, удерживающихся итальянскими и финскими властями. Прежде всего советским властям были переданы итальянские списки, о каждом из них было получено уведомление в получении. Впоследствии передача списков была прекращена, так как итальянские власти поставили условие установления режима взаимности. Финские же власти с самого начала потребовали выполнения условия взаимности, поэтому ни один из их списков не был передан.

Однако благоприятные предпосылки, которые позволяли рассчитывать на то, что как с немецкой, так и с советской стороны может быть достигнута взаимность, не привели к практическим сдвигам. Один раз немецкие власти позволили двум представителям МККК посетить 9 августа 1941 г. лагерь в Хаммерштайне, где находились первые советские военнопленные. К сожалению, начавшаяся таким образом деятельность не имела продолжения. Правительство Германии, которое давало разрешение представителям МККК посещать военнопленных всех национальностей, отказывало им в таком разрешении, когда речь шла о лагерях советских военнопленных, мотивируя это отсутствием взаимности со стороны СССР. Впоследствии можно будет убедиться, что демарши, предпринятые МККК в целях получения разрешения на посещение его представителями СССР, не увенчались успехом. Кроме того, правительство Германии по той же самой причине не высылало больше списков советских военнопленных, а также карт взятия в плен, и это несмотря на многочисленные демарши представительства МККК в Берлине.

Со своей стороны, советские органы власти ни разу не прислали в МККК ожидаемые от них сведения о находящихся у них немецких военнопленных.

Международный комитет Красного Креста продолжал свои переговоры и после первой безрезультатной попытки в октябре 1941 г., предпринятой через посредство советского посольства в Стокгольме, получить разрешение на отправку своего представителя в СССР для рассмотрения нерешенных вопросов предпринял 2 декабря 1941 г. новый демарш в этом же направлении через посредство посольства СССР в Лондоне. В визе было отказано. 14 января 1942 г. МККК вновь предложил советским властям направить в СССР своего представителя, предоставив им выбор из шести кандидатов, среди которых было четыре шведа. На этот запрос не последовало никакого ответа.

С другой стороны, МККК предпринял демарши, с тем чтобы оказать помощь советским военнопленным в Германии. Он добился от властей союзных государств согласия на запрет производить закупки вне Европы. Это согласие было доведено Международным комитетом до сведения Народного комиссариата иностранных дел 16 февраля 1942 г. с уточнением, что МККК для начала осуществления операции по оказанию помощи ожидает лишь согласия советской стороны и предоставления необходимых средств. На этот запрос не было также дано никакого ответа.

Отсутствие ответов на его предложения утвердило Международный комитет в мысли, что между ним и СССР произошло недоразумение, причины которого ему не были известны. Это недоразумение еще более подтвердилось в результате беседы представителя Международного комитета с послом СССР в Анкаре. В результате этой же беседы у Международного комитета сложилось впечатление, что действия на основе взаимности еще возможны. Тогда 25 июня 1942 г. он направил советским властям меморандум о предпринятых попытках оказать помощь пострадавшим от войны на Востоке и добавил, что по-прежнему находится в распоряжении советских властей для возобновления переговоров, которые могли бы помочь найти решение существующего положения вещей. Никакого ответа не последовало на это последнее предложение, равно как и на запрос в том же направлении, представленный генеральным секретарем Международного комитета советскому послу в Вашингтоне в июне 1942 г.

Позднее МККК узнал, что некоторым военнопленным в СССР было дано разрешение сообщить о себе своим семьям либо по почте, либо по радио. В целях возобновления переговоров по достижению взаимных обменов МККК попытался добиться аналогичных льгот для советских военнопленных в Германии, но немецкое заявление, сделанное в устной форме в октябре 1943 г. о том, что Германия не позволяет советским военнопленным вести переписку с вражескими странами, лишило его этой надежды.

Уже весной 1943 г. Международный комитет направил своего представителя со специальной миссией в Анкару и Тегеран для установления контактов с советскими властями в целях снятия возникших недоразумений, причины которых МККК были неизвестны, и выяснения пожеланий СССР в адрес МККК. Этот представитель провел переговоры с советским послом в Тегеране и информировал Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР о том, что Международный комитет будет рад принять в Женеве представителя этого Союза. В результате своих многочисленных демаршей он официально выяснил в августе 1944 г., что Союз не получил разрешения советских властей установить прямые контакты с Международным комитетом. Миссия этого представителя, таким образом, завершилась в декабре 1944 г.

Следует отметить, что в период военных действий МККК тем не менее смог в некоторой мере оказать содействие советским жертвам войны. В частности, он посетил и оказал помощь советским военнопленным, бежавшим из Германии и интернированным в Швейцарии. С другой стороны, весной 1943 г. член МККК и его представитель, осуществляющий специальную миссию в Юго-Восточной Европе, посетили лагеря советских военнопленных в Румынии. Их доклад был передан советскому правительству через посольства в Лондоне и Тегеране. Уведомления в получении не последовало.

Летом 1945 г. глава представительства МККК в Японии и сопровождавшая его техническая советница ездили в Токио через Москву и Владивосток. Их поездка прошла в очень хороших условиях при содействии со стороны советских властей.

*Источник: Россия – Швейцария. 1813-1955 гг.
Документы и материалы. – М.: Международные
отношения, 1995. – С. 505-508.*

Документ № 35. Письмо заместителя наркома иностранных дел А. Я. Вышинского, направленное 5 декабря 1945 года американскому послу А. Гарриману

Уважаемый г-н Посол, в связи с Вашим письмом от 17 ноября, в котором Вы уведомляете о предложении Международного Красного Креста созвать в Женеве неофициальное совещание по поводу возможного пересмотра международных соглашений относительно обращения с военнопленными и интернированными гражданами, сообщаю следующее.

Советское Правительство считает, что вопрос об обращении с военнопленными и интернированными гражданами в настоящее время, когда только что окончилась война, не является актуальным и срочным. По мнению Советского Правительства, на мировое общественное мнение произвело бы неблагоприятное впечатление, если бы правительства главных участвовавших в войне стран уже в первые дни мира занялись подготовкой подобного соглашения касательно военнопленных.

В связи с вышеизложенным Советское Правительство не считает возможным согласиться с указанным предложением Международного Красного Креста.

Прошу Вас, г-н Посол, принять уверение в моем весьма высоком уважении.

Источник: АВП РФ. — Ф. 0129. — Оп. 29. — П. 176. — Д. — 80. — Л. 113. Заверенная копия.

Документ № 36. Письмо исполняющего обязанности МККК Макса Губера, направленное 26 июля 1946 г. в адрес министра иностранных дел В. М. Молотова

Ваше Превосходительство, Комитету Международного Красного Креста стало недавно известно, что Советские Власти намечают репатриировать в ближайшем будущем 120000 немецких военнопленных, находящихся в их распоряжении.

Мы с большим интересом узнали об этой великодушной инициативе, ибо проблема репатриации военнопленных является одной из проблем, постоянно привлекавших внимание Международного Комитета Красного Креста, который как раз недавно вручил Меморандум по этому вопросу Государствам, содержащим военнопленных. Этот Меморандум, содержащий ссылку на положения Женевской Конвенции от 27 июля 1929 г. об обращении с военнопленными, был, естественно, адресован только тем государствам, которые подписали эту Конвенцию. Комитет Международного Красного Креста тем не менее полагает, что Меморандум мог бы интересовать и Советские Власти, и поэтому он позволяет себе направить копию этого документа Вашему Превосходительству.

Примите, Ваше Превосходительство, уверения в нашем очень высоком уважении.

Меморандум

МККК от 2 июля 1946 г. по вопросу репатриации военнопленных

Капитуляция немецких и японских армий в 1945 г., означавшая конец военных действий Второй мировой войны, оставила во власти держав-победительниц миллионы военнопленных в дополнение к тем, которые были взяты в плен ранее. В течение года, последовавшего за капитуляцией, многие из этих военнопленных были репатриированы и освобождены, но остается еще большое количество из них, освобождение и репатриация которых, по-видимому, до сих пор еще не предусмотрены. Наоборот, Державы, содержащие военнопленных, видимо, желают удержать их в своей власти на неопределенный срок с тем, чтобы использовать их на некоторых работах, в частности, на восстановительных работах.

В своем Меморандуме относительно положения военнопленных, направленном 21 августа 1945 г. главным союзным державам, Комитет Международного Красного Креста уже позволил себе обратить внимание властей, удерживающих военнопленных, на вопрос об их репатриации, указывая, что срок нахождения в плену не должен, по его мнению, оставаться неопределенным.

Некоторые положения Конвенции от 27 июля 1929 г. относительно режима военнопленных имеют действительно целью как можно скорее положить конец ненормальному положению, которое заключается в содержании в качестве заключенных военнослужащих, попавших в руки неприятеля.

В связи с этим статья 72 этой Конвенции предусматривает, что по соображениям гуманности воюющие стороны могут заключать соглашения с целью репатриации или госпитализации в нейтральных странах физически здоровых военнопленных, находившихся долгое время в плену. Еще в августе 1943 г. Комитет Международного Красного Креста рекомендовал наиболее заинтересованным воюющим государствам применять это положение.

С другой стороны, согласно статье 75 воюющие стороны должны как можно скорее договориться по вопросу о репатриации военнопленных по окончании военных действий либо путем включения в соглашение о перемирии соответствующих постановлений, либо путем специальных соглашений, заключенных с этой целью. Статья 75, так же, как статья 20 Регламента, приложенного к четвертой Гаагской конвенции 1907 г., указывает, кроме того, что во всех случаях репатриация военнопленных будет осуществляться, самое позднее, в кратчайший срок по заключении мира.

Комитету Международного Красного Креста не известно, чтобы в актах о капитуляции немецких и японских армий имелись положения относительно репатриации военнопленных. С другой стороны, до настоящего времени не было заключено ни одного мирного договора, который, несомненно, урегулировал бы вопрос о репатриации военнопленных. К тому же при отсутствии представителей одной из воюющих сторон перспектива заключения специальных соглашений о репатриации военнопленных кажется отдаленной.

Комитет Международного Красного Креста не может остаться равнодушным к этому положению, которое не было предусмотрено теми, кто подписал Конвенцию от 27 июля 1929 года, и он должен констатировать, что только державы, содержащие военнопленных, в состоянии принять меры одностороннего характера, необходимые для репатриации военнопленных.

Посещения лагерей для военнопленных делегатами Комитета Международного Красного Креста показывают, что повсюду моральное состояние военнопленных все больше и больше понижается из-за неизвестности продолжительности срока их заключения. С другой стороны, следует опасаться, что продление срока заключения еще больше затруднит приспособление военнопленных к условиям нормальной жизни. Во время войны они могли надеяться, что окончание военных действий принесет им освобождение. Эта надежда не может в настоящее время больше их поддерживать, так как им совершенно не известно, каковы в отношении их намерения держав, которые их содержат.

В этих условиях Комитет Международного Красного Креста не может не обратить внимание заинтересованных государств на эту серьезную проблему, и он выражает надежду, что эти государства сообразоволят уведомить военнопленных, беспокойство которых возрастает, о мерах, которые они намерены предпринять в соответствии с принципами Женевской конвенции.

Женева, 2 июля 1946 года.

Перевели: В. Кареткин, Н. Герасимов

**Справка об отношении СССР
к Женевской конвенции о военнопленных от 27.7.1929 г.,
подготовленная для руководства Министерства иностранных дел**

Конвенция о военнопленных, подписанная в Женеве 27 июля 1929 года, призвана дополнить главу II-ю Приложения к Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны.

По сведениям на 1938 г., в Женевской конвенции участвовали (ратифицировали или присоединились) 48 держав, в том числе Германия (21 февраля 1934 г.) и Австрия (13 марта 1936 г.). Советский Союз к указанной конвенции не присоединился.

Вопросам репатриации военнопленных посвящена 4-я часть конвенции (ст. 68—75). Первый раздел этой части конвенции (ст. 68—74) посвящен вопросам прямой репатриации и помещения в нейтральных странах военнопленных в период военных действий. В частности, статья 72 гласит:

«В продолжение военных действий и в целях гуманности воюющие стороны могут заключать соглашения о прямой репатриации или помещении на территории нейтральной страны военнопленных с хорошим состоянием здоровья, которые находились в плену долгое время».

Вопросам освобождения и репатриации военнопленных по окончании военных действий посвящена статья 75, которая гласит:

«Когда воюющие стороны заключают перемирие, они должны в принципе включать в него условия, относящиеся к репатриации военнопленных. Если условия об этом не могут быть включены в перемирие, воюющие стороны тем не менее вступят в переговоры друг с другом по этому вопросу по возможности быстрее. Во всяком случае, репатриация пленных будет проведена в наикратчайший срок после заключения мира. Военнопленные, против которых ведется уголовное преследование за преступление и правонарушение, могут быть задержаны до конца содействия и, в случае необходимости, до окончания срока наказания. То же будет применяться к осужденным за преступления или правонарушения. По соглашению между воюющими сторонами могут быть созданы комиссии, целью которых будет розыск пленных, находящихся в разных местах, и обеспечение их репатриации».

Меморандум от 21 августа 1945 года, на который ссылается Международный Комитет Красного Креста в своем меморандуме от 2 июля 1946 года, был оставлен без ответа.

Ст. референт 3 Евр. Отдела (Блатов)

Источник: АВП РФ. — Ф. 082. — Оп. 30. — П. 129. — Д. 17. — Л. 40—45. Подлинник.

Документ № 37. Телеграмма председателя исполкома СОКК и КП В. А. Холодкова, направленная 20 октября 1950 года председателю МККК Полю Рюгеру

Ссылаясь на выраженное Вами желание, исполнительный комитет Советского Красного Креста приглашает в Москву делегацию Международного Красного Креста для рассмотрения вопросов, касающихся краснокрестной деятельности, в любой удобный Вам день в октябре. Просьба не отказать, сообщить точную дату Вашего приезда и состав делегации. Примите выражение моего высокого уважения

Источник: ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. 5. — Д. 76. — Л. 2.

Документ № 38. Выступление сотрудника исполкома СОКК и КП О. В. Барояна на совещании экспертов Красного Креста СССР и делегации МККК 16 ноября 1950 года

Розыск пропавших без вести, оказавшихся в плену во время войны, судьба их, установление контакта с семьями являются нашей священной обязанностью.

Действительно, на территории Советского Союза в результате войны оказалось очень много военнопленных. Не вдаваясь в политическую сторону вопроса, чтобы не затронуть ту тему, которая так чувствительно воспринимается МККК, я должен признать это как факт.

Соответственно своим принципам гуманности и согласно конвенциям, при Советском Красном Кресте в первые же дни войны было создано Бюро по розыску, и мы перебрали приблизительно миллион карточек. Я сейчас не хочу останавливаться на вопросе, почему с МККК и его Агенством была ограниченная переписка. Было бы неуместно сейчас, когда мы пытаемся открыть новую эпоху взаимоотношений, говорить, почему не было переписки, но даже и при тех условиях мы переписывались и сообщали МККК по целому ряду лиц данные.

Так, например, в письме от 4.05.50 г. из МККК г-н Грасе сообщает нам, что имеет честь подтвердить получение нашего письма от 15 апреля относительно немецкого военнопленного Арнц-Клауса и искренне благодарит за любезность.

Имеются и другие аналогичные документы за подписью того же Грасе, к примеру, от 4 мая по поводу Годлаблютца. Больше того, по просьбе МККК мы возбудили ходатайство об освобождении одного военнопленного, находящегося в СССР, который был освобожден. По нашему ходатайству его вы-

пустили и отправили на родину, и МККК письмом от 10 октября этого года благодарит нас за исключительно гуманное вмешательство в этот вопрос и т. д. Имеется масса благодарственных писем от национальных обществ Красного Креста различных стран.

Следовательно, организация Красного Креста Советского Союза принимала участие в этом чрезвычайно важном и гуманном разделе нашей работы и впредь будет принимать участие и выполнять все обязательства, возлагаемые на нас конвенциями и вызываемые нашими гуманными чувствами.

Как официально уже сообщалось, на территории Советского Союза нет больше военнопленных, и Вы можете абсолютно верить нам, что это достоверный факт. У нас есть осужденные и есть больные, которые по выздоровлении или по истечении времени, позволяющем их репатриировать, будут репатриированы. Есть осужденные, о чем я уже говорил. Если бы я показал уважаемым делегатам МККК дела этих заключенных, то, я полагаю, что МККК сам отказался бы от заботы о судьбе этих людей, если их можно так называть. Достаточно сказать, что в числе этих лиц имеются люди, осужденные за растление семилетних девочек.

Я понимаю Ваше возмущение. Мы сейчас не хотим вдаваться в причины, породившие эти зверства, но причины, видимо, так же ясны уважаемым господам из МККК, как и нам.

Достаточно сказать, что в делах, которыми мы располагаем и с которыми мы знакомились, называются люди, которые сжигали в закрытой бане советских людей. Я не знаю, законы какого международного права можно применить к таким каннибалам.

Но, несмотря на все это, мы и впредь, даже по этой категории лиц, которые не могут быть включены в общий список человечества, для поддержания авторитета международной организации будем выполнять задачи, возложенные на нас.¹

Нужно учесть, что у нас организация эта маленькая, она насчитывает всего 5—6 человек сотрудников. Начальник этой организации — тов. Спасокукоцкий, который здесь присутствует.

Прошу еще учесть большие трудности, которые были во время войны, — оккупация, освобождение территории и прочее. Все это чрезвычайно затрудняло организацию розыска. Но все же мы ищем, будем искать и, заверяю, будем содействовать в выполнении Вашей роли.

Источник: ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. 5. — Д. 75. — Л. 180—184.

¹Оратор недостаточно четко выразил следующую мысль: «Справочное бюро Красного Креста СССР будет отвечать на запросы МККК о судьбе военных преступников».

Документ № 39. Информация посланника Швейцарии в СССР К. Горже, направленная 18 ноября 1950 г. в Федеральный политический департамент Швейцарской конфедерации

Как я вам сообщал в предыдущем докладе, г-н Пауль Рюгер был очень доволен обменом мнениями с делегатами Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Он был доволен, так как рассмотрение всех вопросов, включенных в программу возобновления отношений между швейцарской и советской организациями Красного Креста, проходило в прекрасной атмосфере. Русская сторона приложила очень много усилий для того, чтобы мои соотечественники сохранили наилучшие воспоминания о своем кратком пребывании на советской земле. Однако на последнем заседании с советскими коллегами их ожидало некоторое разочарование. Тогда как они рассчитывали совместно составить нечто вроде протокола, где были бы закреплены результаты, достигнутые в ходе дискуссии, им дали понять, что для русской стороны это не очень возможно. Следуя этой процедуре, можно было бы достичь соглашения, дающего возможность принять обязательства, а под таким соглашением советские делегаты не могли подписаться, вероятно, уже потому, что у них не было на это полномочий. Очевидно, что у них не было полной свободы действий. И это нужно принимать в расчет. Поэтому они настаивали, чтобы придерживались их метода работы. Они ограничились тем, что составили свои собственные замечания о ходе переговоров, а делегаты МККК, если захотят, могут составить свои. Но, чтобы замечания советской стороны отражали наиболее верно ход переговоров, чтобы в них не приписывалось Женевскому комитету заявлений, которых он не делал, или намерений, которых он не имел, советские делегаты настаивали на том, чтобы их замечания прочли швейцарские коллеги, которые таким образом имели возможность внести необходимые поправки или дополнения. Эта процедура имеет, естественно, свои достоинства, но г-н Рюгер и его сотрудники полагали, что в этом отношении добьются большего. Если бы недельная конференция закончилась принятием «завершающего акта», то это их устроило бы больше. И их можно понять.

Тем не менее г-н Рюгер вернулся не с пустыми руками. Отнюдь нет. Уже одно восстановление сердечных отношений между Женевой и Москвой на уровне организаций Красного Креста было бы, несомненно, прекрасным результатом. Фактически же было достигнуто гораздо больше.

Я еще раз мог убедиться в этом вчера во время приема, который мы с женой устроили в миссии для обеих делегаций. Русских пришло много во главе с президентом и вице-президентами организации. Около пятнадцати человек, что для местных условий количество очень необычное. Можно было подумать, что де-

легагам настоятельно «посоветовали» прийти к нам, в противном случае они под различными предлогами прислали бы только трех-четырех человек. И дело не только в том, что их пришло много, но они были еще и очень словоохотливы. Один из них сказал мне, что с удовлетворением узнал во время совместных заседаний с делегатами МККК, что Швейцария по-прежнему является нейтральной, несмотря на ее присоединение к «плану Маршалла». Он считал, что мы «маршаллизированы», как «остальные». Он даже сказал, что наш нейтралитет «мог бы быть очень полезным» в случае, если, к несчастью, разразится всеобщая война. В ходе разговора, когда мы констатировали, что наш нейтралитет не был признан Советским Союзом, этот делегат сразу же заметил: «Но мы ведь можем уважать нейтралитет Швейцарии, даже не подписав предварительно официального документа по данному вопросу». Я привожу вам эти высказывания, потому что этот делегат говорил о нашем нейтралитете с огромным интересом и симпатией. Это «политику» и «интеллектуал». И ничто не доказывает нам, что сотни «политиков» и «интеллектуалов» этой страны рассуждают, насколько это можно предположить, по-иному. Я могу ошибаться, я никогда не претендовал на абсолютную непогрешимость, но я еще склонен думать, что дело нейтралитета Швейцарии еще не проиграно в СССР окончательно. Мой друг Рюгер, который, я полагаю, разделяет в этой области идеи, которые я дважды кратко излагал на совещании министров, вам скажет, вероятно, то же самое. После таких наших высказываний некоторые коллеги сочтут нас наивными. Тем хуже для нас. Я считаю, что мы не должны пренебрегать никаким шансом, даже малейшим, будь он химерическим или нет, для того чтобы добавить еще один камень, пусть даже очень небольшой, в стену нашей безопасности.

После приема в миссии Президиум советских обществ дал вчера вечером в гостинице «Националь» большой прощальный ужин в честь наших соотечественников. На этот ужин были любезно приглашены г-жа Горже и я. Атмосфера на приеме была очень веселой и очень дружеской. Было много речей, так как красноречие за столом началось уже с первым блюдом. Мне тоже пришлось выступить. В моей совершенно неожиданной импровизации я заявил, между прочим, что если бы я, как журналист, должен был опубликовать отчет о днях Красного Креста в Москве, я бы озаглавил свою статью «Друзья, которые встречаются вновь...». Эта фраза вызвала продолжительные аплодисменты.

Г-н Рюгер и г-жа Рюгер покинули столицу сегодня утром вместе со своими сотрудниками. Мы еще имели удовольствие пожать им руки на аэродроме. Сегодня вечером они будут в Женеве.

Посланник Швейцарии в СССР К. Горже.

Источник: Россия—Швейцария. 1813—1955 гг. Документы и материалы. — М.: Международные отношения, 1995. — С. 504—505.

Документ № 40. Меморандум Международного Комитета Красного Креста от 23 ноября 1951 года по вопросу рассмотрения заявлений о якобы имевших место нарушениях международного права

I.

С самого начала корейского конфликта Международный Комитет Красного Креста получил 19 сообщений, касающихся якобы имевших место нарушений международного права, а именно Женевских конвенций 1929 и 1949 гг. Одиннадцать из этих сообщений исходят из национальных обществ Красного Креста; эти общества не принадлежат к воюющим государствам.

Последним полученным сообщением является «Доклад комиссии Международной демократической федерации женщин».

II.

Как правило, особенно во время последнего мирового конфликта, сообщения о нарушениях гуманитарных правил международного права подразделяются на две различные категории.

Первая включает многочисленные жалобы, касающиеся неприменения державой, во власти которой находятся пленные, пользующиеся покровительством Женевских конвенций, того или другого положения упомянутых конвенций. Такие жалобы делают еще более интенсивными усилия Международного Комитета Красного Креста, которые он не прекращает предпринимать. Выступая посредником, посещая лагеря военнопленных или интернированных гражданских лиц и т. д., он часто может практически исправить неудовлетворительные положения, о которых ему сообщают, — насколько, разумеется, он полномочен развивать свою деятельность в соответствующей стране.

Другой категорией являются различные сообщения о нарушениях великих принципов международного права или прав человека, являющихся следствием применяемых методов ведения войны. Эти сообщения почти всегда относятся к фактам, имевшим место в прошлом, установление которых Международный Комитет Красного Креста не в состоянии произвести, как это полагалось бы сделать.

Настоящий меморандум касается лишь этой последней категории сообщений.

Если последние поступают от национальных обществ Красного Креста, и в частности, от обществ Красного Креста, принадлежащих к воюющим странам, как это часто было во время последнего мирового конфликта, Международный Комитет Красного Креста имеет обыкновение передавать

такие жалобы или протесты обществу Красного Креста государства, которого касается жалоба. Он предлагает свое посредничество для передачи любого ответа, который он получил бы. Такой образ действий, согласно долголетней традиции, определенно был одобрен и подтвержден XVII Международной Конференцией Красного Креста (Стокгольм, 1948 г.) в ее XXII-й резолюции. Кроме того, эта резолюция подчеркивает обязанность национальных обществ передавать эти протесты своим правительствам и рекомендует им «прилагать все возможные усилия», выступая перед властями, «чтобы было проведено тщательное расследование».

Если же они исходят от правительств, Международный Комитет Красного Креста имеет обыкновение передавать такие жалобы или протесты государственным властям, которых это касается. Он предлагает также свое посредничество для передачи любого ответа, который он получил бы.

III.

Часто ошибаются в действительной роли Международного Комитета Красного Креста в этом вопросе. Некоторые полагают, что, кроме передачи упомянутых протестов, он призван сам проводить расследование фактов, якобы имевших место, нарушений. Международный Комитет Красного Креста считает необходимым напомнить еще раз о том, в каких рамках он может, в случае надобности, вести расследование.

С первых же дней начала последнего мирового конфликта в своем меморандуме от 12 сентября 1939 г., адресованном воюющим государствам, Международный Комитет Красного Креста изложил основные положения, которым он должен подчинять свое вмешательство в том случае, когда к нему обращаются с просьбой о расследовании. С того времени он не перестает ими руководствоваться. Мы напомним их вкратце:

1. Международный Комитет Красного Креста может приступить к расследованию лишь на основании полномочия, ранее ему данного конвенцией, или по соглашению, заключенному на данный случай между всеми заинтересованными сторонами.

Однако сам по себе он не выступает с расследованием. Он ограничивается подысканием, вне своей организации, одного или нескольких квалифицированных лиц для проведения расследования.

2. Процедура расследования должна предоставлять все гарантии беспристрастия и давать возможность сторонам отстаивать их мнение.

Никакого публичного сообщения о просьбе произвести расследование или о самом расследовании не выпускается без согласия Международного Комитета Красного Креста.

3. Миссией Международного Комитета Красного Креста, которая занимает первое место среди всех остальных во время конфликта, является охранять интересы лиц, пользующихся покровительством Женевских конвенций. Так, если Международный Комитет Красного Креста будет привлечен к проведению расследования в вышеуказанных условиях, расследование должно быть направлено на выявление нарушения упомянутых Женевских конвенций. Расследование о нарушениях права войны вообще может лишь в исключительных случаях входить в рамки деятельности Международного Комитета Красного Креста.

4. Международный Комитет Красного Креста не может браться за ведение расследования, если тем самым он рискует осложнить, если не сделать невозможной свою нормальную практическую деятельность в пользу жертв войны или скомпрометировать ее обязательно беспристрастным и нейтральным характером.

Если делегат Международного Комитета Красного креста лично констатирует факты, которые могут представлять собой нарушение конвенций или принципов права, он делает об этом доклад в Международном Комитете Красного Креста, который решает вопрос о сообщении, которое необходимо сделать обвиняемой стороне.

С начала корейского конфликта — так же, как и во время последнего мирового конфликта, — к Международному Комитету Красного Креста не обращались с просьбой о расследовании, в условиях якобы имевших место нарушений международного права, изложенных выше.

IV.

Одной из основных задач Международного Комитета Красного Креста является работать в области развития гуманитарного права, защищающего жертв войны, а именно — Женевских конвенций.

В соответствии с положениями Женевских конвенций 1949 года «контроль» как таковой над их применением возложен на державы-покровительницы.

Следя за применением этих конвенций, Международный Комитет Красного Креста на деле также осуществляет через своих делегатов некоторый контроль. Но его основной ролью во время конфликта остается обеспечение гуманистической деятельности, которая признана за ним конвенциями или которая вытекает из его же устава и устава Международного Красного Креста. Красный Крест скорее должен оказывать помощь, чем излагать мнения. До того как провозглашать теоретически принципы, он должен прежде всего осуществлять эти принципы.

Деятельность по оказанию помощи всегда должна быть первостепенной задачей.

За Международный Комитет Красного Креста

Вице-председатель
Леопольд Буассье

Вице-председатель
Жак Шеневьер

*Источник: ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. 5. —
Д. 76. — Л. 242—245. Заверенная копия.*

Документ № 41. Телеграмма председателя МККК П. Рюгера, направленная председателю исполкома СОКК и КП В. А. Холодкову 5 марта 1952 года

Имею честь сообщить Вам текст послания, которое мы направляем сегодня главнокомандующим КИМ-ИР-СЕНУ и ПЫН-де-ХУЭЮ:

«Дошедшие до нас недавно сведения вынуждают нас сделать вывод о наличии с Вашей стороны серьезного недопонимания особого положения МККК, что заставляет нас опасаться возникновения серьезного недоразумения, в частности, вследствие недопонимания разницы между нашей организацией и Организацией Объединенных Наций.

Напоминаем еще раз, что МККК не зависит от каких бы то ни было межправительственных организаций. Он был учрежден задолго до их возникновения, в 1863 году, в Женеве, и наиболее поздняя редакция устава, на основании которого он действует, относится к 1921 году. Этим уставом специально предусматривается, что МККК, будучи ассоциацией, управляемой швейцарским гражданским правом, является независимой организацией, выступающей в качестве нейтрального посредника, вмешательство которого признается необходимым, особенно во время войны, гражданской войны и внутренних беспорядков. Поэтому его деятельность была признана, в частности, во время франко-прусской войны 1870 года, во время двух мировых войн 1914 и 1939 гг., а также была принята обеими сторонами во время гражданской войны в Испании, где МККК смог оказать помощь жертвам обеих сторон. Как в этих, так и в других случаях эта деятельность была признана полезной, учитывая, что фактически только один Международный Комитет Красного Креста имеет возможность по собственной инициативе и без предварительных переговоров между неприятельскими сторонами предлагать свои услуги для оказания гуманитарической помощи всем, без различия, жертвам.

Руководствуясь только лишь этими соображениями, МККК сделал одинаковые предложения обеим сторонам в начале конфликта в Корее. То обстоятельство, что до сего времени МККК осуществляет свою деятельность только в Южной Корее, является исключительно следствием положения, согласно которому возможность осуществления всей деятельности Красного Креста в международном плане зависит от согласия и доброй воли соответствующих властей, хотя он не зависит от этих властей.

Таким образом, когда Вы предложили создать специальные комиссии в составе Корейского и Китайского обществ Красного Креста и МККК, мы напомнили о том, что могли бы участвовать в таких комиссиях, поскольку в них были бы представлены обе стороны; другими словами, роль МККК в этом случае будет отличаться от той роли, которую будут играть представители одного и другого национального общества.

Помимо этого, Центральное агентство МККК, которому, в частности, поручена передача различных сообщений относительно военнопленных, регулярно передавало в Пхеньян подлинники всех получаемых им списков ваших пленных, не внося в них никаких изменений и не составляя такие списки для себя.

Укажем в качестве примера на то, что с момента начала корейского конфликта Международным Комитетом израсходован за счет фондов МККК примерно 1 млн. швейцарских франков. В эту сумму входит стоимость большого количества медицинских грузов помощи, которые он еще не имеет возможности распределять.

Ни от Организации Объединенных Наций, ни от других организаций мы до сего времени ничего не получали.

Твердо рассчитываем на то, что все вышеприведенные уточнения позволят вашему верховному командованию пересмотреть свою позицию по отношению к нашей организации и дать нам возможность осуществлять нашу деятельность на вашей территории.

Об этом сообщении мы ставим в известность Советское и Китайское общества Красного Креста и просим их подтвердить особое независимое положение МККК, в котором они имели возможность сами убедиться.

Рюгер, председатель.»

Будем Вам крайне признательны за Ваше любезное содействие.
С глубоким уважением

Рюгер, председатель МККК.

Источник: ГА РФ. — Ф. 9501. — Оп. — Д. 82. — Л. 1—3. Заверенная копия.

Документ № 42. Статья «Пособники агрессоров под маской международной организации (о так называемом «Международном» Комитете Красного Креста)»

Миллионы честных людей всего мира клеймят позором чудовищные преступления американских агрессоров, ведущих в Корее бесчестную бактериологическую войну, с которой не может мириться совесть цивилизованных народов. Каждый день приносит новые факты и новые доказательства применения американскими интервентами бактериологического оружия в Корее, Китае.

Агрессоры пойманы с поличным. Комиссия Международной ассоциации юристов-демократов, проводившая в марте 1952 года расследование преступлений американских империалистов в Корее, установила, что на территории провинций Канвон, Южный Пхенан, Хуанхе, Хамген, в г. Пхеньяне было обнаружено большое количество насекомых различных видов, в большинстве случаев не известных в Корее, находившихся при очень низкой температуре на снегу, в открытом поле и на льду, вдали от населенных пунктов. Было установлено, что значительная часть этих насекомых была заражена бактериями чумы, холеры и других заразных болезней. Поблизости от тех мест, где были обнаружены насекомые, были найдены контейнеры, предназначавшиеся для переброски большого количества насекомых.

Эти предметы были найдены в тех же местах и в то же время, когда появлялись американские самолеты, которые, как установлено, кружили на небольшой высоте, не производя бомбардировок или обстрела. Вскоре после этих полетов были отмечены случаи заболевания чумой и холерой.

Таким же образом неопровержимо доказано, что насекомые, зараженные бактериями эпидемических болезней, сбрасывались над Кореей с американских самолетов.

Эти неоспоримые данные, выявленные Комиссией по расследованию фактов применения американцами бактериологического оружия, установленные Международной ассоциацией юристов-демократов, расследование, произведенное китайской и корейской комиссиями, а также иностранными корреспондентами, сорвали маску с американских поджигателей войны и полностью подтвердили обвинения, предъявленные американским империалистам в заявлениях министра иностранных дел Корейской Народно-Демократической Республики Пак Хен Ена и министра иностранных дел Китайской Народной Республики Чжоу Эньляя.

Разоблаченные агрессоры не смогли противопоставить фактам о преступлениях, совершенных и совершаемых американской военщиной в Корее, ничего, кроме голословного отрицания. Чувствуя слабость своей

позиции, они прибегают теперь к различного рода бесчестным уверткам и уловкам, чтобы «спасти свое лицо», чтобы ввести в заблуждение общественное мнение, обмануть народы.

Тщетные потуги!

Увертки правящих кругов США приводят лишь к саморазоблачению агрессоров. Общественность всех стран уже отметила тот факт, что Ачесон¹, всячески изощряясь в своих усилиях отрицать вину США, не нашел ни одного слова для осуждения бактериологической войны, признав тем самым, что он является ее вдохновителем и адвокатом. Он приложил все старания к тому, чтобы не допустить обсуждения вопроса о запрещении бактериологической войны в Комиссии Организации Объединенных Наций по разоружению. А уж, казалось бы, эта комиссия более всего компетентна разрешить такой важный вопрос. В связи с этим нельзя не отметить и тот факт, что, как указывало китайское агенство Синьхуа, Трюгве Ли² «остался глухим» к полученным секретариатом Организации Объединенных Наций многочисленным протестам против преступной бактериологической войны, которую ведут США в Корее. Более того, он не щадил усилий, чтобы под всякими предложениями скрыть преступное применение американцами бактериологического оружия и заодно собрать для Соединенных Штатов информацию об эффективности действия этого оружия. Агенство Синьхуа отмечало в связи с этим, что Трюгве Ли проявляет все большее и большее раболепие перед своими американскими хозяевами.

Явно опасаясь беспристрастного расследования фактов, Ачесон упорно цеплялся за так называемый «Международный» Комитет Красного Креста, который, по его утверждению, и должен расследовать факты применения американской военщиной бактериологического оружия. Что же представляет собой так называемый «Международный» Комитет Красного Креста, что за люди заседают в этом комитете, какова его деятельность в прошлом и настоящем?

Начать хотя бы с того, что этот так называемый «Международный» Комитет Красного Креста вовсе не является международной организацией, за которую его организаторы выдают этот комитет, вводя в заблуждение доверчивых людей. На самом деле Международный Комитет Красного Креста представляет собой частную организацию швейцарских граждан. В настоящее время она состоит из 19 человек, главным образом крупных капиталистов, промышленников, банкиров, тесно связанных с иностранным капиталом.

¹Ачесон Дин Гудерхэм — Госсекретарь США в 1949—1953 гг.

²Ли Трюгве Хальвдан — Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций в 1946—1953 гг.

Что это за люди?

Вот, например, почетный председатель Комитета Красного Креста Макс Хубер. Известно, что два поколения Хуберов в течение 56 лет (сначала под немецким контролем) владеют акционерным обществом «Алюминиум-индустри». Макс Хубер в течение многих лет был председателем этого акционерного общества и ныне состоит членом его административного совета. Кроме того, он член административных советов и правлений ряда акционерных и страховых обществ (Швейцарское общество перестрахования, Всеобщее европейское общество перестрахования и др.).

Председатель комитета Поль Рюгер является членом административного совета одного из крупнейших швейцарских страховых обществ (Швейцарское общество страхования от несчастных случаев).

Вице-председатель Мартин Бодмер-Навиль тесно связан с крупнейшим германским финансовым тузом Гансом фон Шультес-Рехбергом, являющимся председателем или членом административных советов 11 акционерных обществ в Швейцарии.

Один из активных членов Комитета Красного Креста Карл Якоб Буркхардт, бывший представитель Лиги наций в Данциге, является членом административных советов одного из пяти крупнейших банков Швейцарии и Цюрихского общества страхования от несчастных случаев. Кроме того, Буркхардт связан с швейцарскими металлургическими заводами фон Ролля.

Изображая собой так называемый «Международный» Комитет Красного Креста, эта группа швейцарских капиталистов и банкиров тесно связана с англо-американскими финансовыми кругами.

Небезынтересно отметить, что почетный председатель комитета Макс Хубер в своей книге «Международный Красный Крест. Идея и действительность», изданной в 1951 году, сам признает, что «комитет не является общественным или основанным на международном праве учреждением, а лишь простым объединением самое большее 25 швейцарских граждан». Такое же признание содержится и в брошюре, изданной комитетом и носящей название «Милосердие на поле брани», подтверждающей, что комитет является не чем иным, как «частной ассоциацией по действующему швейцарскому праву». К этому остается добавить, что эта «частная ассоциация» в последние годы работает преимущественно на американские и английские деньги. Об этом ясно говорит опубликованный комитетом отчет за январь-сентябрь 1951 года. Простой арифметический подсчет показывает, что почти три четверти всех полученных комитетом «добровольных» взносов поступили от американско-английского блока, причем львиная доля приходится на Соединенные Штаты.

Нет ничего случайного поэтому в том, что в трудные для американских агрессоров минуты Ачесон и его друзья спешат воспользоваться услугами этой женеvской «ассоциации», чтобы с ее помощью замести следы своих преступлений.

Американские миллиардеры, вкладывая в «Международный» Комитет Красного Креста деньги под видом «благотворительных деяний», знали, что они вкладывают капитал в предприятие, имеющее большой стаж и опыт в грязном деле пособничества агрессорам, в деле сокрытия военных преступлений и обмана общественного мнения. Об этом убедительно говорит вся практика так называемого «Международного» Комитета Красного Креста в период Второй мировой войны.

Сейчас уже всему миру известно, что правящие круги США и Англии добивались сговора с Гитлером против СССР не только в период Мюнхена, но уже и после начала Второй мировой войны. В этих грязных делах нужны были посредники, нужны были услужливые комиссионеры, которых гитлеровцы, с одной стороны, и представители англо-американских империалистов — с другой, нашли в лице так называемого «Международного» Комитета Красного Креста.

Особо активную роль в организации переговоров американско-английских империалистов с гитлеровцами играл видный деятель «Международного» Комитета Красного Креста, упомянутый выше Карл Якоб Буркхардт. В книге М. Мурена «Мирные попытки во время Второй мировой войны», вышедшей в Париже в 1949 году, разоблачается позорная роль этого Буркхардта, члена «Международного» Комитета Красного Креста, который еще осенью 1940 года был посредником между гитлеровцами, с одной стороны, и представителями английского правительства — с другой.

Эти попытки сговора, как известно, потерпели неудачу. Но они были возобновлены в 1942 году, т. е. в тот самый год, когда западные союзники СССР взяли на себя обязательство открыть второй фронт. Новые попытки проводились опять-таки при посредничестве Буркхардта, который прилагал все усилия к тому, чтобы организовать встречу английского генерального консула в Цюрихе Кейбла с гитлеровцем Фетцером, являвшимся в то время доверенным лицом германского военно-морского флота при Трансконтинентальном нефтяном акционерном обществе.

Верным слугой агрессора проявил себя «Международный» Комитет Красного Креста и при выполнении своих прямых, так называемых гуманитарных, функций.

Всему миру известно, что гитлеровцами были истреблены сотни тысяч военнопленных, погибших от пыток и мучений, от умышленного зараже-

ния инфекционными болезнями при производстве биологических экспериментов. Но «Международный» Комитет Красного Креста этого «не заметил», хотя за время войны представители Комитета, по его собственным заявлениям, тысячи раз обследовали эти гитлеровские лагеря для военнопленных.

Особую и, конечно, не случайную слепоту проявил этот, с позволения сказать, «Международный» комитет, когда дело касалось массового уничтожения гитлеровцами военнопленных славян, в первую очередь русских военнопленных. До какого позорного падения доходили деятели этого комитета и сам комитет, можно судить, например, по докладу представителя комитета некоего доктора Марти, посетившего в конце 1941 года гитлеровские лагеря для военнопленных. В этом докладе Марти счел уместным отметить, что «лагерный театр был существенно улучшен» и что «кино работает более регулярно». Но он ни звука не проронил по поводу тех чудовищных преступлений, жертвами которых были советские военнопленные, содержащиеся в их гитлеровских лагерях смерти. Об ужасном, бесчеловечном обращении с советскими военнопленными в гитлеровских лагерях хорошо было известно «Международному» Комитету Красного Креста, представители которого были очевидцами преступлений, совершавшихся в гитлеровских лагерях. Это видно, например, из опубликованных в 1947 году воспоминаний Марселя Жюно, посетившего гитлеровские лагеря военнопленных в качестве делегата этого комитета. Описывая на основе личных наблюдений два расположенных рядом лагеря: лагерь для английских офицеров и лагерь для советских военнопленных, — Жюно подчеркивал, что в английском лагере — сытая безмятежная жизнь, а в лагере для советских военнопленных — длинные вереницы согнувшихся, недомогающих, усталых людей, одетых в лохмотья и с деревяшками вместо обуви на ногах. Они, вспоминает Жюно, не в состоянии идти, спотыкаются и падают, а охрана избивает их плетью.

И все эти позорные преступления «Международный» Комитет Красного Креста покрывал и прикрывал своим именем. Он не проронил ни единого слова в осуждение чудовищных преступлений гитлеровцев в лагерях смерти Майданека, Освенцима, Бухенвальда.

Американские агрессоры, начав захватническую войну против корейского народа, не замедлили использовать «опыт» «Международного» Комитета Красного Креста по пособничеству агрессии и по сокрытию военных преступлений. В Токио главным представителем комитета при американском командовании оказался Отто Лехнер, специалист по «благополучным докладам» о положении в гитлеровских концентрационных лагерях. В Южной Корее в

качестве представителя так называемого «Международного» Комитета Красного Креста обосновался некий Бьери. «Специальностью» Бьери и его помощников явилось умение не замечать того, что творится в лагерях для военнопленных и в тюрьмах Южной Кореи. Между тем даже американская буржуазная печать не может скрыть тех ужасающих условий, в которых содержатся военнопленные и гражданские лица, попавшие в лапы американских властей в Южной Корее.

Так, например, газета «Нью-Йорк геральд трибюн» в сентябре 1951 года сообщала, что в так называемом лагере для беженцев около Сеула 90 процентов заключенных голодают и что такое же положение существует и в других 11 лагерях, расположенных в районе Сеула. Не удалось скрыть от общественного мнения и кровавую расправу, которую учинили американские палачи 18 февраля 1952 года в лагере для интенированных корейских гражданских лиц на острове Кочжедо, когда американской охраной было убито и ранено более 200 интенированных корейцев. Перечень подобных и еще более страшных фактов можно было бы продолжить. Однако представители «Международного» Комитета Красного Креста, имеющие, по их собственному заявлению, свободный доступ в лагери и места заключения Южной Кореи, ни одним словом не обмолвились о зверских преступлениях американских интервентов.

Гнусное прислужничество «Международного» Комитета Красного Креста перед американскими агрессорами проявилось во всей своей неприглядной сущности, когда Комиссия Международной демократической федерации женщин по расследованию преступлений, совершенных американскими и лисынмановскими¹ войсками в Корею, направила комитету свой доклад, в котором американские войска обвинялись в ряде преступлений. Комитет немедленно забыл свои широковещательные заявления о «гуманности» осуществляемой им миссии и поспешил заявить, что он не имеет полномочий производить расследование нарушений международного права. Он даже сослался на специальное решение комитета, принятое в 1939 году.

Но почему-то он забыл об этом правиле тогда, когда Ачесон, попав в трудное положение, потребовал от комитета, чтобы он провел расследование в связи с предъявленными Соединенным Штатам обвинениями в ведении бактериологической войны, и выразил полную готовность произвести угодное его американским хозяевам «расследование».

В свете этих фактов должно быть ясно, что «Международный» Комитет Красного Креста не является в действительности никакой междуна-

¹Президентом Южной Кореи в этот период был Ли Сын Ман. Отсюда и название войск — лисынмановские.

родной организацией и что он не пользуется доверием у демократических кругов и у честных людей вообще, что он представляет собой послушное орудие в руках государственного департамента США, готовое по заказу своих хозяев выполнить любое их поручение, прикрыть любое самое ужасное преступление.

На это и рассчитывают Ачесон и его друзья, пытающиеся пустить в ход «Международный» комитет, чтобы обмануть общественное мнение и прикрыть «авторитетом» Красного Креста преступления, совершаемые в Корее и Китае американскими интервентами. Можно не сомневаться, однако, что эти попытки обречены на провал и что организаторам и вдохновителям применения бесчестного бактериологического оружия не удастся замести следы своих чудовищных преступлений, к каким бы ухищрениям они ни пробовали прибегнуть.

С. Александров.

Источник: Правда. — 1952. — 29 апреля.

Документ № 43. Запись беседы заместителя министра иностранных дел СССР А. Е. Богомолова с посланником Швейцарии в СССР К. Горже, состоявшейся 7 мая 1952 года

Принял Горже в 17.00 по его просьбе.

Горже сказал, что он получил указания своего правительства заявить протест по поводу имевших место за последнее время выступлений против Международного Комитета Красного Креста со стороны официальных представителей советского правительства и в советской печати. Так, 28 апреля с. г. в советской печати было опубликовано выступление советского представителя Малика на заседании Комиссии ООН по разоружению, в котором он отрицательно охарактеризовал деятельность Международного Комитета Красного Креста. 29 апреля в «Правде» была опубликована большая статья, в которой были допущены еще более резкие высказывания в отношении Международного Комитета Красного Креста и его руководящих деятелей Макса Хубера, Буркхардта и других. Горже сказал, что в Швейцарии не понимают, чем вызвано такое резкое изменение советской позиции в отношении МККК, если учесть, что за последнее время между советским Красным Крестом и МККК были установлены дружественные отношения и что в 1950 г. представители МККК во главе с его председателем Рюгером посетили Советский Союз, где они были исключительно хорошо приняты. В 1949 г.

советские представители активно участвовали в организованной Международным Комитетом Красного Креста совместно со швейцарским правительством конференции по выработке Женевских конвенций по защите жертв войны. Развивая эти положения, Горже стал утверждать, что МККК в своей деятельности преследует только гуманные цели и что он является нейтральной организацией, независимой от швейцарского или какого-либо другого правительства.

Горже еще раз подчеркнул, что в соответствии с указаниями, полученными им от его правительства, он заявляет протест по поводу выступлений против Международного Комитета Красного Креста и выражает сожаление по поводу изменения советской позиции в отношении МККК.

Выслушав Горже, я заявил ему, что не могу принять его протест, поскольку он лишен какого бы то ни было основания как по форме, так и по существу. Если МККК, по его словам, является организацией, независимой от швейцарского правительства, то в каком качестве он заявляет протест в защиту этой организации?

Я сказал, что протест этот не может быть принят также и по существу, поскольку всем совершенно понятно, что такая организация, как МККК, если бы она действительно преследовала какие-либо гуманные цели, должна была бы немедленно выступить против применения американцами бактериологического оружия в Корее. Все люди доброй воли протестуют против чудовищных преступлений американцев, применяющих бактериологическое оружие против мирного населения. Если так называемый Международный Комитет Красного Креста не протестует против этого, то вполне понятно, что его позиция не может вызвать другого отношения со стороны советского правительства, чем то, которое было изложено в выступлении представителя СССР Малика в Комиссии по разоружению. Отношение же общественного мнения миллионов советских людей по этому вопросу было выражено в статье, помещенной в «Правде» 29 апреля с. г.

Горже, несколько смутившись, снова подтвердил, что МККК является независимой от швейцарского правительства организацией, но правительство поручило заявить ему протест в связи с тем, что эта организация находится на территории Швейцарии и состоит из швейцарских граждан, против которых были допущены в советской печати оскорбительные высказывания.

Я спросил Горже, действует ли его правительство таким образом по отношению ко всем частным организациям, находящимся на террито-

рии Швейцарии. Горже поспешно ответил, что это относится только к такой старой организации, как МККК. Что же касается применения бактериологического оружия, добавил Горже, то Швейцария против применения этого оружия, о чем свидетельствует подписание ею Протокола 1925 г. о запрещении газов и бактериологических средств ведения войны. Далее Горже пытался оправдать МККК тем, что он не имеет доказательств того, что американцы применяют бактериологическое оружие в Корее, тем более что американцы заявляют, что они не ведут бактериологической войны. Горже сказал, что он лично тоже сомневается в этом деле.

На это я заявил Горже, что если он больше доверяет американцам, чем корейцам и представителям авторитетных международных организаций, то это его личное дело. Факты ведения американцами бактериологической войны для нас бесспорны. Выезжавшие в Корею представители Международной демократической ассоциации юристов и Международной демократической федерации женщин представили неопровержимые фактические доказательства применения американцами в Корее бактериологического оружия, против чего протестуют миллионы людей во всем мире.

Горже, пытаясь оправдать отказ МККК от протеста против бактериологической войны тем, что во время войны МККК не протестовал против злодеяний гитлеровского правительства, потому что в противном случае представители МККК были бы изгнаны из Германии, заявил, что МККК придерживается этой же позиции и по отношению к США.

Я сказал, что понимаю его, когда он ставит на одну доску гитлеровцев и американцев, применяющих бактериологическое оружие в войне против Кореи, но отказываюсь понимать его, когда он выступает с подобного рода протестом.

В заключение Горже сказал, что он выполнял в данном случае указание своего правительства, поскольку им были получены такие инструкции. Горже добавил, что он заранее знал, какой ответ получит по существу вопроса, но все же просит ради поддержания дружественных отношений между СССР и Швейцарией прекратить кампанию в советской прессе против Международного Комитета Красного Креста.

Я сказал, что по существу его заявлений мною уже отвечено.

Беседа продолжалась 55 минут и велась на французском языке. На беседе присутствовала третий секретарь I Европейского отдела т. Воловик.

Источник: АВП РФ. — Ф. 0141. — Оп. 34. — П. 126. — Д. 5. — Л. 6-10.

Документ № 44. Из статьи «На 18-й Международной конференции Красного Креста»

С большим вниманием следили члены Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР за ходом 18-й Международной конференции Красного Креста.

В работе конференции, которая проходила с 26 июля по 7 августа 1952 года в г. Торонто (Канада), приняла участие делегация Советского Красного Креста в составе: Н. В. Славина (глава делегации), Б. М. Пашкова, С. М. Сперанской, Н. И. Чикаленко, А. Ф. Сокиркина и представителей правительств: СССР — В. М. Зонова, УССР — Е. Н. Хохол и БССР — Д. П. Беляцкого.

В беседе с корреспондентом журнала «Советский Красный Крест» руководитель делегации Советского Красного Креста Н. В. Славин рассказал, как протекала работа 18-й Международной конференции Красного Креста и каковы ее итоги.

[...] Острая борьба развернулась при обсуждении проекта нового устава Международного Красного Креста. Делегация Советского Красного Креста выступила против тех статей устава и регламента, которые наделяют несвойственными функциями и правами так называемый «Международный» Комитет Красного Креста, который не является международной организацией. Он состоит только из группы швейцарских граждан. Этот комитет дискредитировал себя как пособник фашистов во время прошедшей войны и в настоящее время как пособник интервентов в Корее, покрывающий нарушителей Женевских конвенций и гуманных принципов Красного Креста.

Однако этому комитету американо-английский блок в новом уставе предоставлял право решать вопросы приема новых национальных организаций в Лигу обществ Красного Креста, предоставлял преимущественное право ведения переговоров по вопросам Красного Креста с правительственными органами различных стран и др.

Советская, польская, румынская и чехословацкая делегации предложили в устав ряд поправок, исключающих предоставление так называемому «Международному» Комитету Красного Креста функций международной организации.

Советский делегат заявил, что если новый устав будет принят в первоначальном виде, то Красный Крест Советского Союза не будет считать себя связанным статьями, относящимися к так называемому «Международно-

му» Комитету Красного Креста, и не будет признавать предоставляемые ему права и функции.

Такие же заявления сделали делегации Красного Креста Китая, Корейской Народно-Демократической Республики, Румынии и других стран народной демократии.

Несмотря на эти предупреждения, американо-английское большинство с помощью машины голосования приняло первоначальный проект устава.

*Источник: Советский Красный Крест. — 1952. —
№ 5. — С. 29—30.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Контакты между МККК и СССР складывались непросто в силу того, что в течение десятилетий страны социалистического лагеря и в первую очередь — Советский Союз, не признавали за Международным Комитетом Красного Креста ни его роли нейтрального посредника, ни его основополагающих принципов. Со второй половины 80-х годов ситуация меняется: для разрешения своих внешних и внутренних проблем Россия все чаще обращает свой взор к независимой гуманитарной организации. В июне 1992 г. МККК и правительство РФ подписали соглашение о статусе и деятельности Международного Комитета в России.

За прошедшие годы делегаты МККК в России нередко с риском для жизни участвовали в операциях по оказанию помощи беженцам из Южной Осетии, направляли гуманитарные грузы пострадавшим в район Северной Осетии. Эта деятельность по облегчению участи жертв вооруженного осетино-грузинского конфликта координировалась из представительства МККК в Нальчике. Данное представительство во время войны России с Чечней в 1994 году стало базой материально-технического обеспечения для всех операций Международного Комитета на Северном Кавказе. Позднее представительства МККК появились также в Назрани, Владикавказе, Хасаюрте и Грозном.

В настоящее время МККК находится в несколько двусмысленном положении. Несмотря на всеобщее признание, он вынужден сталкиваться с непредвиденными трудностями. Политические и государственные деятели, обращающиеся к МККК за помощью, увы, не могут обеспечить безопасности ни его делегатам, ни транспортам с эмблемой Красного Креста.

Будучи в России, представители Международного Комитета считают своим долгом пропагандировать гуманные идеи своей организации и ее основополагающие принципы среди населения, особенно среди учащейся молодежи. Достаточно сказать, что МККК поддерживает связь со 120

факультетами вузов. Сегодня курс изучения права вооруженных конфликтов введен, к примеру, на юридических факультетах Санкт-Петербургского, Казанского, Владивостокского университетов, на факультете международных отношений МГИМО.

Уже не первый год используются в средних школах учебник для учащихся пятых классов и методическое пособие для учителей. В 74 регионах Российской Федерации завершена работа по апробации экспериментального учебника для sixth классов. В каждом из этих учебников на примерах из литературных произведений дается анализ правовых основ Женевского и Гаагского права войны. Подготовлен учебник для школьников seventh классов. Изданы методические рекомендации для учителей, преподающих курс обществознания в 8—9 классах.

В тесном сотрудничестве с Российским обществом Красного Креста проводится работа по розыску лиц, без вести пропавших в ходе вооруженных конфликтов. Работа эта ведется на основе специально разработанного Генерального соглашения, которое является основой для совместной работы МККК и Российского Красного Креста во многих гуманитарных областях.

Новый виток войны в Чечне обернулся для России и новыми человеческими жертвами. Эти жертвы войны — раненые, военнопленные, пострадавшие мирные граждане — могут надеяться на то, что в самую трудную минуту на помощь им придут не только соотечественники, но и сотрудники Международного Комитета Красного Креста.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Исторический очерк	5
Документы	34
Заключение	99

Виктор Борисович КОНАСОВ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ КРАСНОГО КРЕСТА —
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ: ДОРОГОЙ СОТРУДНИЧЕСТВА
И КОНФРОНТАЦИИ (1939—1952)

Исторический очерк и документы

Технический редактор *Н. И. Тимонова*
Корректор *Е. В. Дуганова*
Компьютерная верстка *Н. Н. Щербаковой*

30p-

Сдано в набор 05.10.99 г. Подписано в печать 20.12.99 г. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. п. л. 6,04. Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательском центре Вологодского института развития образования
160012, г. Вологда, ул. Козленская, д. 114

Для заметок

Для заметок

